

ПЕРЕД ФЕВРАЛЕМ.

(Конец 1916—начало 1917 гг.).

Солдат конца 1916 года и начала 1917 года—это уже достаточно классово определившийся человек. В солдатских письмах ставятся коренные политические вопросы, решать которые „должны одновременно на фронте и в тылу“. Вместе с тем колоссально возрастает интерес армии к событиям внутри России. „Интерес к событиям военных действий пропал и вопрос тыла встал на первый план“—пишет рядовой Антипин (письмо № 42). Это же констатирует и сводка военного цензора от 27 ноября 1916 года (д. № 21 стр. 490): „Можно сказать, что в армии интерес к жизни тыла растет с каждым днем. Почти в каждом письме можно встретить вопрос: „Какие у Вас новости“. И следует признать, что видимо, армия является прекрасно осведомленной о тех событиях, которые совершаются в тылу. В свою очередь она также делится новостями с близкими людьми. В письмах мелькают сообщения о начинающихся брожениях среди войск, о различного рода эксцессах там, на почве недовольства затянувшейся войной или начальством. Нередко говорится о продовольственном кризисе в стране. В этом случае обвиняются „начальство“ (правительство) и мародеры тыла-торговцы. Первое обычно укоряют в неумении и в нежелании бороться со все возрастающей экономической разрухой—вторых в бессовестной эксплуатации труда низших слоев населения“¹).

Солдаты знают твердо, за что они „страдают и кровь проливают“. Они не хотят победы, потому что „никакого добра от нее не будет“. „Спрашивается за что же воюешь. За буржуазию, за спекулянтов, за всю эту сволочь, которые едут на спинах наших отцов, наших братьев и дерут последнюю шкуру. Да на черта все это спрашивается. Спрашивается где же будет лучше жить—под

¹ И тыл охотно сообщает фронту о всех новостях. В одном письме (дело № 40 Канцелярии Каз. губернатора) на фронт говорится: „Знаю, что тебе важно знать, что творится у нас. Успокойся, чему быть, тому не миновать, а история расскажет нам правду. Знаю одно, что совершаются великие события и если суждено, то увидим в'явь то, о чем говорили шепотом“...

игом Германии или под игом кулака нашего сволоча и мерзавца спекулянта" (письмо № 5).

Официальная ложь выводит солдат из терпения. „Хотя в газетах и пишут разную сумасбродницу, что якобы деревни наоборот богатеют, да горе одно. Пожалели бы хотя не наше наболевшее и и без того сердце, а хотя бы пожалели бумаги, которая уж так дорого стоит“,—возмущается, рядовой 161 пехотного полка.

Солдаты уже не просят мира. Они требуют его.

Требование „долой войну“ подкрепляется требованием внутренних перемен. Солдаты хотят знать какие улучшения трудящимся даст окончание войны. Еще в конце 1915 года солдаты возмущались: „Воюем второй год и защищаем интересы отечества, и до сего времени нет ни одного манифеста для крестьян-защитников русской земли" (п. № 20 за 1915 год). Особенно волнует солдат вопрос о земле. „Не то интересно, что останешься лишь живым, а интересно то, что какая будет перемена в России и чем удовлетворится безземельный крестьянин, а также остальные" (п. № 33 за 1916 год). Даже георгиевские кавалеры при официальном опросе представителями думы „заявили, что они желают чтобы вся земля была отобрана у немцев проживающих в России, а также и у помещиков, раздать которую не имеющим и чтобы учение детей было общедоступное и бесплатное“. (письмо № 4).

С этим запросом у Думы получился конфуз. Дума надеялась собрать в армии патриотические сведения о беззаветных стремлениях бороться за веру, царя и отечество, а получила требование помещичьей земли.

Путь к ликвидации войны и к „улучшению внутренней жизни" солдаты видят только в активности их самих и их братьев в тылу. („Тыл должен начать завариху"). Никакого доверия к правящим верхам и никакой надежды на Думу. Думу солдаты считают „способной лишь на болтовню" (д. № 12), называют ее „бардаком земли русской“.

Мир будет тогда, когда „встанут наши отцы и не будут давать своих детей под убой" (письмо № 7). „Хорошенько бы забастовали-скорее бы мир"—пишет Орлов из 185 Башкирского полка (п. № 10). „Мир может быть тогда ежели сами солдаты сделают и в России будут в заводах забастовки" (письмо № 36).

Кровавый 2^{1/2}-летний опыт привел солдат к выводу, сформулированному В. И. Лениным еще в самом начале войны, что войну империалистическую надо превратить в гражданскую, в войну с

буржуазией. Солдаты поняли, что настало время завершить дело, начатое в 1905 году. (1905 год был свеж в памяти трудящихся, что видно из писем).

Работа „красных“ (т. е. большевиков) активизировалась все больше и больше в предфевральские дни. Влияние ленинской партии росло очень быстро. По письмам предфевральского периода видно, как нарастает и близится революционная гроза.

В начале 1917 года письмо неизвестного автора прямо констатирует: „весь народ волнуется и все готовы к революции. А что революция будет, так это пожалуй более чем вероятно. (письмо № 48).

Ш Т А Б

Казанского Военного
Округа

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
местной военно-цензур-
ной комиссии

15 января 1917 года

№ 110

г. Казань.

Секретно.

Председателю Главной Военно-Цен-
зурной Комиссии.

РАПОРТ.

Из ежедневных отчетов г. г. военных цензоров Округа за минувший декабрь месяц я смог почерпнуть следующее:

Корреспонденция с театра войны в процентном отношении разделялась так,—на первом плане были письма без упоминания о войне (45%), затем шли письма с жалобами и пожеланиями скорейшего мира (35%), писем же с патриотическим подъемом оказалось (за последнюю неделю декабря) только 18%.

Как и прежде, встречались письма ярко патриотические, в которых авторы выражали полную свою готовность умереть за царя и Отечество. Замечено также было, что многими авторами отлично сознается важность переживаемого момента, благоприятного более для нас, чем для истощающегося врага. Однако, в общем такого уныния, как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. Причиной уныния сами авторы считают тыл. И если в патриотах сказывается боязнь за семью, то в нижних, чинах, относящихся к войне безразлично, проскальзывает чувство злобы на тыл, который „с каждым днем становится все паскуднее“. Одних „бесит“ все возрастающая дороговизна и „неумение“ властей обуздать мародеров и распределять правильно имеющиеся в России запасы. Другие же авторы,—„глядя на кризис внутренней политики“—приходят к выво-

ду, что „та великая Русь (девственница в образе женщины с диадемой на голове и мечем в руке) бесследно исчезла. Теперь же на месте ее стоит развращенная германизмом девка с ехидным выражением лъстивых глаз. В руках у нее тоже есть меч, но он заржавел от крови безвинных жертв, павших за правду, меч этот изогнулся и обтупился“.

„2½ года войны—по словам третьего автора—повидимому произвели свое действие, озлобив всех. Необходимы радикальные меры, чтобы выйти из хозяйственно-экономического тупика. Что же мы видим на деле? Расстерянность и дезорганизацию. Власть мечется из стороны в сторону, но ничего планомерного, ничего положительного. В результате получается впечатление, что далеко не все обстоит благополучно. Сменяются имена у руля правления, но все остается по-старому, — одна бестолковщина. При таком порядке вещей естественным являются те стихийные вспышки, какие произошли уже во многих местах нашей и без того многострадной земли. Народ ли виноват в этом? Виновата наша горькая действительность. Народ инстинктивно чувствует неладное и дает выход своему озлоблению в бунте. Если такой порядок продлится далее, то перед нами стоит призрак революции, и мы никогда не увидим себя победителями в этой страшной войне. Ибо там наверху отгораживаются от страны, от народа и вершат какие то темные дела. Нет доверия к власти, нет и веры в себя, а остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы“..

Простых солдат особенно волнуют доходящие до них сведения, что в тылу „всего нехватка“, начиная с людей. Поэтому в декабре месяце были довольно часты „думы о будущем“: как и кто будет сеять, не придется ли земле остаться из за безлюдия непаханной. При этом необходимо заметить, что за последнее время значительно чаще встречаются письма „сознательных“ и „товарищей“, которые свои взгляды выражают весьма смело, а советы дают в весьма определенной форме. Примером таких писем может служить хотя бы такое: „Я слышу у вас все берут на военную службу и конца нет и долго еще будут брать дураков мужиков: почему же не брать когда идут сами. Неужели, Лазарь Степанович, и вы пойдете. Я знаю, что вы пойдете и не смеее слова сказать. А кого вы думаете защищать: Польшу или наших помещиков. Они ведь все останутся живы, а нас всех дураков прибьют, да с голоду поморят, а после войны под свое право возьмут. Не слушайте проповедей долгогривых

священников, что миряне должны защищать Россию. Вот какое у нас правительство, оно село нам на шею и ездит..... Правда сгорела, правосудие убежало, закон у сенатора на пуговицах”.

В другом письме тоже самое сказано еще сильнее: автор после рассуждений о продолжающихся мобилизациях и реквизициях пишет: „а газеты пишут—воевать до полной победы. Ах, Господи, сколько неправды в нашей правящей буржуазии из собственной своей недалновидности, настроения и неприлежности. Теперь приходится брать то, чего не клали, а там, где не клали, брать будут как свое. Вот поэтому вся тяжесть войны ложится на крестьянина, которому они никогда не способствовали в его жизни. Представьте, какое наше положение: мы два брата остались от отца малыми и кормились за собственный счет; приходилось и голодать, потому что были малы и не могли кормиться своим трудом. Тогда нас правительство не видело. А как только выросли, то нас обоих убрали и, мало того, и наше нажитое не потом, а кровью обмытое, тоже трудовое и то все возьмут и оставят нас на произвол судьбы. Поэтому как можно берегите все и без бою не давайтесь в руки, гоните в шею всех фараонов и пиратов, которые будут брать что-нибудь у вас“.....

Впрочем, на темном фоне унылой корреспонденции из окопов встречаются и светлые пятна. Эти пятна—радость, что враг истощается и с каждым днем становится хилее. Даже немцы теперь стали слабы настолько, что наши солдаты „только и ждут, когда их двинут вперед для решительного нанесения врагу удара, после которого не мог бы он снова идти на нас. И не далеко то время, когда, всякие хитрости превратятся на „помилуйте“, а коварство на „дайте пощады“. Раньше на один наш снаряд выпускали несколько, а теперь на наши несколько свой один. Теперь они не прут на нас, а сидят прижавшись и молчат, либо перебегают к нам в окопы, жалуясь на холод и голод“. Другой автор пришел к тому же заключению уже на основании других фактов. По его мнению „Германия и ее союзники, действительно, накануне развала. Она предложила нам вести мирные переговоры, наш же союз категорически отклонил вести какие либо переговоры“.

Весть о мирных предложениях Германии дошла до позиции двумя путями: через газеты и получение официальных телеграмм на имя штабов отдельных частей наших войск. Отношение к этим предложениям вылилось в форме радости, но радовались на позициях двояко. Так, в одном письме говорится: „пришла срочная официа-

льная телеграмма из штаба армии о том, что нейтральные державы, чтобы склонить воюющих к миру, предложили папе римскому ноту по поводу заключения мира. Получив это известие, мы сначала сами себе не верили, а потом, убедившись, что это действительно верно, готовы были кричать ура. Лица у всех нас сияли от радости, а у некоторых даже навернулись слезы на глазах"..... А вот письмо где радость другого сорта. Автор пишет: „Неужели еще не пора кончить эти страдания людей. Мы все радуемся и ждем, что будет им от этих разговоров. Ох, пора бы обдуматься.... Читал я газеты, пишут, чтобы воевали до полной победы. Ох эти патриоты, которые кричат у себя на печке дома о полной победе. А вот попробовали бы здесь посидеть, не то бы запели"..... По мнению таких авторов потому еще нужно заключить мир, „что все равно мы немца не победим.“

Однако, „большинство пишут о мире“ (по выражению нескольких цензоров) мира хотят, каким бы он ни был для нас позорным.....

Как и в прошлогоднее затишье, замечались еще письма, где авторы описывают свои хождения в гости к немцам и их ответные „визиты“. Оборванные, голодные-вражеские солдаты просят есть, рассказывают нашим, как плохо теперь питаться в австро-германских армиях (об этом, судя по письмам, подтверждают и бежавшие из плена наши нижние чины). Но не только за хлебом идет неприятель в наши окопы, его „визиты“ зачастую имеют цель агитировать мир. „Нам нужно миру,—говорят гости,—а то три года, как война—всем надоело это“. Некоторые же немцы дают и советы, как нужно поступать, чтобы мир был возможно скорее заключен: для этого не следует стрелять и ходить в наступление. И попутно с этим следует упомянуть о письмах, где пишут: „теперь происходят в войсковых частях сильные бунты и забастовки и так, быть может, этим остановят войну“. Или: „Наш полк получил Георгиевское знамя. Командир корпуса генерал сказал: Надо его облить кровью. Ему сейчас же наши солдаты пришили сзади на автомобиль записку: „кончайте войну до нового года, если не кончите, то мы идем войну вести еще с Петроградом“.....

Встречаются еще описания самых бунтов, говорится о дикой расправе с командирами. Мотивы такой жестокости те же—„довольно воевать“. Пишущие обо всем этом либо одобряют бунтовщиков, либо осуждают и скорбят, что не стало порядка, что „теперь все солдаты сами всем распоряжаются, а некоторые офицеры согласны

с солдатами. Беда кум, — заканчивает свое письмо автор — скоро друг друга начнут бить“.....

В инородческой корреспонденции с театра войны в декабре наблюдалось, что о войне наши инородцы по прежнему пишут очень мало.

В письмах татар встречались, изредка, строки, полные патриотизма. По этим письмам видно, что среди татар — нижних чинов есть люди, желающие победы над немцами. Но, как донес мне один цензор, татарская интеллегенция от своего простого народа обособилась и совсем уже теперь не рвется в бой и не стремится к победе. Для нее мир сейчас — цель.

В письмах простых солдат из татар встречались жалобы и на холод, и на голод, замечалось даже возмущение, говорилось, — „думали, что скоро настанет светопредставление: народу умерло и ранено конца краю нет“. В письмах же интеллигентных мусульман замечались другие мотивы и совсем другое настроение. „Сейчас, пишет один из таких авторов, скинул стоптанные сапоги, истрепанную шинель, сплюснутую фуражку, слава Богу теперь я похож на человека. Не дай Бог, вам попасть сюда. Поскорей бы конец всему, вернуться бы в отечество и служить Исламу. Правда, мне мало дела — читаю книги и газеты и только по пятницам для виду собираю мусульман на моление и поучение“¹⁾. Говорится еще в подобных письмах, что там, где много мусульман, — „всем хочется слушать родное чтение“, но — „как это унижительно: мы, взятые от 25 миллионного народа, не имеем для чтения родной газеты и журналов“.

Переходя к корреспонденции не с театра войны, прежде всего надо сказать о письмах из тыловых воинских частей. В этих письмах, по словам одного из цензоров округа, — „как яркое проявление патриотизма, так и сознание важности переживаемого момента отсутствуют. Большая часть сообщений в письмах на родину сводится к описанию строевого обучения, питания и обмундирования, а также скорби по оставленным домашним очагам и семействам, заботам о них и надежде на скорое возвращение на родину“.....

Необходимо упомянуть, что в этого рода корреспонденции встречаются весьма часто жалобы на плохую пищу и обувь.

¹⁾ Письмо муллы. Как правило, муллы наравне с татарской буржуазией поддерживали царизм и гнали трудящихся татар в наступление. Отношение к войне различных классов татарской национальности подробно выяснено во ввводной к разделу татарских писем.

Когда же были получены официальные сведения о предложениях неприятелем мира, и об ответе на них правительств союзных с нами держав, то один неизвестный автор из тыловой части выразился так: „И чорт их знает, мира не хотят заключить. А о том не хотят подумать, сколько народа страдает от бесполезной войны. Что же они отняли у некоторых все и думают, что удовлетворили всех кашей и щами, да кроме того забросили самолюбие каждого и лишили возможности сказать свое я. Да что же я за гражданин России, когда не могу самостоятельно за свою шкуру слова сказать. Ну ничего, скоро придет день расплаты и они будут знать, раз взяли роль ответственную, то умей ею руководить и не забывай про тех сограждан, которые лишились всего, благодаря ихнему капризу“.

Несмотря на праздники, во внутренней корреспонденции, помимо поздравительных, прошло много писем, где довольно подробно обсуждались вопросы, тесно связанные с войной. „Мир был уж так близок, говорилось в одном из них, и опять ничего. Повидимому, война опять затягивается. Я устала ждать и надеяться. Мне кажется, что прежде чем наступит мир, будет что то другое, страшное, а именно, надвигающийся голод. Я видела сегодня как в булочной расхватывали хлеб. Они готовы были заплатить, сколько угодно, лишь бы получить маленькую булочку. В конце концов будут платить бешенные деньги за кусочек хлеба, но выживут только сильные, бедняки же погибнут. Это ужасно—ведь бедняков такая масса. Да жить страшно. Каждый занят только собой, своей наживой“. „Спрашивается, возможен ли в хорошей семье разгул и пьянство в то время, когда самый дорогой член ее лежит больным, переживая кризис..... А ведь наша родина переживает сейчас великий кризис. Мы голодуем. Но не потому, что в наших житницах нет хлеба, а потому, что проклятый зарвавшийся буржуазный мир хочет грабить и обогащаться“. „Читая ежедневные газеты, удивляешься, какая совершается разруха у нас в России. Эти речи депутатов Думы просто разрывают душу и ни сколько не искренни речи представителей верхов. Иногда даже думаешь: Право издеваются там над нами. Каждый месяц торжество темных сил и лишь добавление ко все прогрессирующей разрухе“..... Наконец один автор писал, что он такого мнения, что лучше бы согласиться на предложение немцев о мире и начать переговоры, потому что немцы так укреплены, что сдвинуть их нет никакой возможности. „А так как у них больше тяжелых орудий, бомбометов, предметов и прочих смертоносных приспособлений, то достигнуть полной победы невоз-

можно и потому лучше бы приступить к переговорам и добиться мира для всех почетного и не гибнуть миллионам людей. А Дума то наша да прочие союзные правительства, как они воспротивились Хорошо им в удобных креслах и за болтовню получать громадные деньги, так что и дороговизна для них нипочем и могут они желать войны до полной победы".....

По прежнему местная русская пресса по поводу войны высказывала единодушное мнение:—она должна быть доведенной до победы и только тогда возможно будет говорить о мире. Поэтому выступление Германии и Соединенных Штатов с нотами о мире получили дружный отпор прессы, которая с восхищением приветствовала слова Государя Императора, соизволившего категорически указать на условия, при которых возможен прочный мир, а также солидарность нашего правительства со всеми союзниками. Она высказала большую радость, когда союзники подтвердили, что будущий мир возможен лишь после того, как русский стяг будет развертываться над Дарданеллами, а турецкий Константинополь станет русским Царьградом. Все эти взгляды на будущее газеты развивали постоянно, настойчиво и, зачастую, в ярких статьях.

Очередных же обзоров текущих событий на фронтах на страницах газет бывало сравнительно мало. О румынских событиях они упоминали, как бы вскользь, и весьма радостно прозвучали статьи о нашем последнем наступлении под Ригой. По этому поводу газеты на слова не поскупились; они старались схватить всякую деталь и мелочь и рисовали величественную картину доблести войск генерала Рузского; они подчеркнули трудность выполнения задания и значительность результатов короткого удара, подобных которому „давно уже не было“.

Гораздо более внимания пресса уделяла делам внутренней политики, при чем по прежнему ее страницы были наполнены резкой критикой правительства. От этой критики воздерживались только крайне правые газеты, впрочем тоже подчеркивавшие „создавшуюся разруху“.

Прогрессивные газеты много писали о том, что теперь снова стала крепнуть реакция, представителем которой является новый премьер-министр, князь Голицин, благодушно признавшийся председателю Государственной Думы М. В. Родзянко, что он не знает „будут ли еще какие перемены в его кабинете“..... И так происходит потому, что „торжествует не народ, а союз русского народа и его чайные“.

Благодаря творимому кем то распаду власти,—писал Самарский „Волжский День“ — перед нами точно в каком то гигантском калейдоскопе проходят представители власти, сменяя один другого. Нет министерства, нет органа власти, которого бы не коснулись эти перемены, странные, непонятные. Люди приходили один на место другого с кинематографической быстротой. Иногда мы не успевали забыть программу одного, как перед нами уже развертывалась программа другого, где выразительно говорилось и о желании работать вместе с общественностью и даже..... страшно сказать—о грядущих реформах. Но..... министры уходили, программы забывались, а реформы оставались нетронутыми на том же месте, где их забыл девятьсот пятый год“..... А виною этому „темные силы“. Должно отметить, что в таком тоне можно было найти статьи в газетах, начиная с октябристского „Голоса Самары“ до социалистической „Степи“ (в гор. Троицке) включительно.

Подлинный подписал полковник Прогнаевский.

Ш Т А Б.
Казанского Военного
Округа

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
местной военно-цензур-
ной комиссии
10 февраля 1917 г.
№ 343.
г. Казань.

Секретно.

Председателю Главной Военно-
цензурной комиссии

РАПОРТ

Из ежедневных отчетов г.г. военных цензоров Округа за минувший январь месяц видно, что в русской корреспонденции с театра войны преобладали письма без всякого упоминания о войне (52%). Письма же о мире, их было очень много, процент достигал цифры 31; остальные же 17% заключали в себе письма со всякого рода жалобами и сообщениями недозволенных сведений.

Повышение настроения армии вызвано, главным образом, высочайшим приказом по армии и флоту, явившимся ответом на германские предложения начать мирные переговоры.

Воодушевленные словами августейшего верховного вождя, наши войска теперь готовы помериться силами с врагом. Но на ряду с бодрыми, полными лучших боевых надежд, сообщениями, сплошь и рядом приходится читать такие строки: „Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови, на трупах павших героев купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье. Вот что огорчает нас. Мы это знаем,

знаем смех их над нами, их искариотскую улыбочку в кулак, их предательские слова: „Пусть воюют, а мы наживемся, если нужно будет, то и в тылу сумеем устроиться“. Для них лозунг-нажива и укрывательство; для нас же—торжество правды над злом. И всех нас единит этот лозунг. А где есть единение—там и сила; а где сила—там победа. Мы добьемся торжества правды над злом и тогда будет другая, новая жизнь, будет счастье для многих“.

Есть в армии такие солдаты, которых один из офицеров характеризует следующим образом: „Теперешний солдат, которого покруют в запасном полку два месяца, приезжает на позицию мужиком и совершенно не понимает необходимости победы России над проклятым немцем, говорит и думает одно: надо скорее кончить войну. А того совершенно не знает, что если немец нас победит, тогда не живи на свете“... Этот разряд нижних чинов очень болтлив в письмах и зачастую посылает родным самые антипатриотичные советы, подчеркивает в сообщениях о войне одни теневые стороны ее, наши неудачи и недостатки. Такие авторы прежде всего обращают на себя внимание своими сообщениями о бунтах и забастовках на фронте. И всякий раз подчеркивают, что „ежели так дальше будут себя вести солдаты, глядишь скоро дождемся и мира“. Так пишут более „скромные“, а „передовые“ идут дальше: они призывают оставшихся в тылу родственников и товарищей даже к революции. Конечно, сообщения этих „передовых“ чудовищны своим мрачным взглядом на всех и на все. По их словам, „все солдаты озлобились и не хотят идти в бой. Начальство передает только приказания, а сами назад. Вот и воюй. А чуть где на отдыхе, где бы дать солдатику отдохнуть, а они всячески мучают усиленными занятиями и даже бьют по морде. Врачи обходятся с больными скверно, грубо и даже не верят больным и иногда употребляют кулаки“.... Или: „я вижу из Вашего письма, что у вас все отбирают, но вы не давайте,—ведь это ваше собственное, вы хозяева и можете спрятать подальше. Они у бедного отбирают последнее, а богатого и помещика и не видят. Разве это порядок. Нет и не было его у нас. Раз заступил министром немец, то доведут страну до полной гибели. Я думаю, что наша страна погибнет... Мы и так видим, как с голоду морят нас, наших жен и детей. Но мы пока ничего не говорим, а придет час мы скажем им: довольно нас губить, пора и нам взглянуть на свет. Мы требуем от них, что нам нужна свобода и чтобы не министры правили страной, а народ, избранники народные, которые говорят всю правду народу.

Мы будем ждать, чтонибудь, наверное, будет. В армии нашей что то появляется, но что покажет весна и что скажете вы там в тылу“...

Жалобы армии остаются прежними, и один из авторов суммирует их в следующих стихах:

От прогорклых щей
Грустно и тоскливо на душе
моей.

А в котле навару нет уже сле-
да,
Знать на кашевара подошла
беда.

Хлеба не хватает
Нет уже крупы.
У солдат морды стали уж
тупы.

Всюду нас ругают, старшие
бранят,
Без толку гоняют, будто греш-
ных в ад.

Польская картошка в животе
поет:

То мяучит кошкой, то козлом
поет.

А поляк хозяин все в карман
глядит

За пустяк картошки шкуру снять,
хотит,

Доктор медицины стал такой
герой.

Перксолал нам спины и поднял-
ся вой.

А душа изныла об семье род-
ной,

Домой не пускают, хоть ты вол-
ком вой“.....

Солдатам крайне не нравится чечевица, и все, что из нее. Чечевица поперек горла встала, видимо, столь многим, что про нее в армии даже сложилась нехорошая пословица—угроза: „дадите кашу все будет наше; а будете чечевицу—отдадим и Черновицу“.....

Из единичных, но интересных сообщений с театра войны можно еще отметить следующее: „Накануне Рождества в одну из наших рот три австрийца прибили убранную елку и приподнесли ее с пакетом командиру полка, в пакет была вложена поздравительная карточка. Командир принял подношение и распорядился отпустить австрийцев обратно“.

В другом письме призванный в войска студент—петроградец грустит, что он сейчас связан не с тем „элементом студенчества, который ему люб“ и радуется лишь тому, что „ныне действующее в Петрограде студенчество начинает оживать, об этом сюда дошли верные слухи. Даст Бог и на нашу долю останется. Наступают сильные моменты, пропустить которые грех. Сюда товарищи других рот привезли отчеты и резолюции некоторых с'ездов. Есть что послушать и о чем передумать, здесь призванные студенты тоже думают устроить литературные и политические вечера, но вряд ли удастся“.....

Наконец один из нижних чинов пишет, что в какой то войсковой части „солдаты болают, что будто бы мир заключен с Германией и на выгодных условиях для нас. Но дело в том, что Германия не

может обезоружить своих солдат, которые ищут земли и воли, так что в Германии поднялась революция, не могут с ней справиться“....

Наибольшее количество корреспонденции инородцев с театра войны за январь заключало в себе письма о пожелании скорейшего мира. Особенно часто пишут о мире татары. Почти в каждом письме встречаются выражения: „скоро мир“, или „слава Богу, заговорили наконец о мире“. Не видно было в татарских письмах и ясного понимания переживаемого момента, а раньше все-таки замечалось, но теперь татары не вглядываются в будущее России; если будущее их и интересует, то исключительно свое узконациональное будущее. Сознывая, что „писать много нельзя-секут когда узнают, что солдаты правду пишут“, автор одного из писем тем не менее сообщает: „терпим много бед. Пусть скорее мирятся цари, нам хуже не будет. Здесь говорят, что у поляков теперь свой царь. А мулла Эфенди говорит, что мы здесь воюем не без пользы для нашей нации“.... Другой мусульманин сообщает для татарской газеты, что „на праздниках, 25 декабря, дивизионный начальник и офицеры заставляли нас петь свои песни. Мы показали, что мы не пустой народ, мы не хуже других. Просим Вас, в каждом номере пишите, что нас много миллионов и что у нас есть сознание. Мы не должны отставать от финляндцев“. К одному из татарских писем была приложена австрийская прокламация.

В прошедшей цензуре корреспонденции из тыловых войсковых частей, по донесению одного из цензоров округа,—„ничего существенного не обнаружено при чем проявления патриотизма весьма редки, сознания же важности переживаемого момента—нет. Несмотря на то, что в тылу, как и на фронте, была увеличена порция продовольствия, а также и предоставлены некоторые развлечения и свобода в первые дни праздника, масса сообщений носит унылый характер и полна горечи, при чем ярко вырисовывается их желание скорого окончания войны и стремление снова быть в кругу семьи. Наибольшая же часть сообщений сводится, как и раньше, к описанию обучения военной службы, питания и обмундирования“.

Затем можно еще отметить письмо, автор коего лежит где-то в лазарете. Прочтя старые газеты, он высказывает такие мысли: „по всему видно, что в борьбе общества с правительством стали затухать события на фронте. А здесь идет работа, машина, пущенная в ход, работает и работает как будто хорошо. Не слышно ничего ненормального,—звук ровный, ритмически правильный:

без перебоев и скрипа. Но в тылу ошибаются: армия тоже думает и внимательно присматривается и прислушивается к тому, что делается в тылу и хорошо разбирается в событиях на фронте"..... Далее тот же автор пишет, что его „больше всего удручает то, что офицерство находится в заблуждении относительно настроений в армии и это заблуждение более сильно вверх. Громадная отчужденность нижних чинов от офицеров и та практика, которая принята за правило, что „у нас все благополучно“, создает сплошной обман, или самообман“.....

Содержание внутренней русской корреспонденции довольно разнообразно, но интересного в ней, с точки зрения военной цензуры, было немного. Однако, замечено, что многие авторы тщательно описывают всякие беспорядки, „голодные бунты“ и забастовки и примером таких сообщений может служить выписка из следующего письма: „В Москве очень много нового. 9 Января ходили по театральной площади с красным флагом и кричали „долой войну“, а сегодня сидим без хлеба. Каждый день ждем погрома, и вероятно, скоро будет“..... Затем, обратило на себя внимание цензуры письмо на имя одной из царских газет. В нем автор весьма пространно разбирает вопрос о нуждах войны и неправильность распределения на население тягот ее....

Во внутренней корреспонденции инородцев замечена прежде всего радость неизвестной немки¹⁾ (из Москвы), которая пишет: „Юлька, я в великолепном настроении, прямо дурить хочется без конца и знаешь почему такое настроение. У нас сегодня в Москве была забастовка, останавливали трамвай, были плакаты „долой войну“. Многих ловили, пересажали в тюрьму, а потом нагнали казаков и они шашками живо разогнали толпу. Градоначальник приехал. На площади говорили речи, на Тверской даже стрельба была“.

.....

Подлинный подписал полковник Прогнаевский.

¹⁾ Цензор пытается найти виновников начинающейся революции в немецких кознях.

№ 1.

Заказное.

Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Второму в г. Могилеве — в ставке — очень нужное, передать скорее.

Самодержавцу, кровопийце народному, царю хулигану, извергу народному, царишке Николаю II-му . . . мать и жену с твоими дочерьми . . . мерзавец ты Николушка паршивый царишка. Знай паршивый ты отверг мир, предложенный Великим победителем мира Вильгельмом Священным И знай хулиган царишка Николушка, что гибель будет тебе кровопийце виновнику всемирного пожара — войны, губителя¹ (ю) народов, смерть и уничтожение твоему семейству и всем твоим союзникам: и кровавой англичанке бляди и говняку французу и итальянцу музыканту и всем другим твоим бродягам трусам союзникам Твое Государство будет разрушено, покорено, уничтожено, а ты сам с твоим иродовым семейством будете растерзаны, уничтожены твоим же страдающим народом. Смерть и гибель тебе царишка Николай второй Долой тебя царишка, смерть тебе в твоей ставке в г. Могилеве. Вышлю молодцов бомбистов которые взорвут тебя собаку на славу и установление всемирного мира. Гибель тебе Николай второй.

Почтовый штемпель: Самара — 17—12—16.

№ 2.

Старые идут на войну, а молодые пьют брагу, так вот и правда, что говорят старые солдаты, что у нас Государь в темных очках, не видит молодую браковку, а нам тоже нет расчетов одним воевать. Плохо жить на белом свете белому Царю-батюшке тому, как Гане слепому, так и ему потому, что надел ему германец черные очки и вставляет ходу в лопнуты шары его, мы тоже все запасные люди скажем, что вору по делу заслуги молодца жалуют. Зато ему плохо потому, что он не бери по выбору и не бракуй хороших да не собирай старых да не делай браковки таких молодцов, а соби-

рал бы бракованных и переосвидетельствовал, чем собирать 2-го разряда, делать больше сирот, а если только не переосвидетельствуют браковку, то посмотрите что мы будем воевать, пойдем на нашего Государя и будем делать бунт за его слепоту, потому что не собирай 2-й разряд стариков.

(К письму приложен был, как видно, портрет Николая II-го с вырезанными глазами).

№ 3.

СВЯЩЕННИКУ Н. ХОХЛОВУ.

Уфа. Гедантору журнала „Сентябрь“.

Возвращаем Вам журнал. Довольно. Лучше бы Вы пожаловали сюда на фронт да не в роли какогонибудь уполномоченного или утешителя одураченных темных масс, отдающих свои жизни или остающихся калеками за родину, которая ничего им не дает, а только оголяет до нага да за разных помещиков, графов, баронов, князей и прочих пиявок, а пожалуйста сюда в роли рядового солдата Мы уж какнибудь по окончании войны доберемся до Вас и до подобных Вам кровопивцев и мы пропишем ижицу, будете Вы танцевать под нашу дудку, мы укажем место земным апостолам и всем творящим „добро“ и высасывающим нашу кровь.

Ваши военные доброжелатели.

№ 4.

ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ КУЗЬМИНОЙ.

Поселок Ранний.

Вчера у нас выбирали из каждой роты по одному Георгиевскому Кавалеру, которым было предоставлено высказать каждому свое мнение что он желал бы в будущем. Требования которых или иначе говоря желания я и опишу Вам. Многие заявили что они желают чтобы вся земля была отобрана у немцев проживающих в России, а также и у всех помещиков, раздать которую не имеющим и чтобы учение детям было общедоступное и бесплатное, 3-е заявление чтобы пенсия была увеличена воинам потерявшим трудоспособность на войне до полного обеспечения к существованию, 4-е заявление чтоб пенсии получаемые за георгиевские кресты выдавались за каждый крест, т. е. 4-я степ. не погашалась 3-ей степ., а 3-я степ. 2-й и 2-я—1-й, а так чтобы оплатилась за 4-ю—3 руб., за 3-ю—5 р., за 2-ю—8 р. и за 1-ю—10 р. итого за полный бант—

...заявляли о земле и доступном бесплатном обучении детей. О бесплатном учении представлялось заявлять лишь детям георгиевских кавалеров. Запрос этого мнения был из думы, мнение каждого кавалера заносилось в список который ушлется в Государственную думу.

Гавриил Кузьмин.

175 пехотный Бутыринский полк.

№ 5.

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ТРЕСКИНУ.

Самара.

Спрашивается за что же воюешь За буржуазию, за спекулянтов за всю эту сволочь, которые едут на спинах наших отцов, наших братьев и дерут последнюю шкуру. Да на черта все это спрашивается. Спрашивается где же будет лучше жить—под игом Германии или под игом кулака нашего сволоча и мерзавца спекулянта . . . Да я бы эту сволочь доканал, ее не сажать, не штрафовать, а казнить на площадях, по частям, чтобы чувствовали, как из-за этой сволочи из-за этого мерзавца мучаются бедные серые герои-солдаты. Да, еще много, много зла у нас в России и глубоко это зло пустило корни свои. Война эта уж не так страшна и трудна как ее описывают. Что такое австриец и германец, да простая машина, которую легко можно тем же путем остановить, каким ее пустили в ход, да еще и сломать, а сломали бы мы ее давно еще в 14 году, но прежде чем ее ломать надо было истребить всю эту сволочь, всех этих мерзавцев, потому что Россия и до настоящего времени полна этими „червяками“, которые и до сих пор в ней кишат. Нет прежде чем думать о победе надо истребить всех этих „червяков“ всю эту сволочь мешающую нашей победе, а уж потом „думать“ о победе, а так все едино ни черта не получится. Потому что, что ни день то солдаты все недовольнее всем происходящим. Недовольство начинает даже высказываться в анонимных письмах, а раз уж это „брожение“ дошло до армии до „фили“ солдата, то дела не из приятных. А кто виноват в этом. Все эта же сволочь, все эти мерзавцы спекулянты. Эх да что тут, если все описать, то у меня и бумаги не хватит. А написать кое-что есть. После того, что я знаю, что творится у нас в России у меня как у русского одно

желание пусть убьют, чтобы не слышать и не видеть всего этого, а если ранят, то держись вся эта сволочь на каждом шагу буду стрелять без пощады. Такую сволочь не жалко, а отвечать не за что, убьют так значит и нужно ведь немца убиваешь и не наказывают, так за что же тут будут наказывать, если спекулянт этот мерзавец равен и подобен, даже еще хуже немца. Немец если и „гадит“ нам, то он для блага родины, а эта сволочь для какого блага, для блага своего кармана своей шкуры. Такой твари нет пощады. Жаль что мне не придется из этой сволочи сделать мишень для стрельбы, чтобы для развлечения попыхивать.

Толя.

15 Литовский полк.

№ 6.

БОРИСУ ЯКОВЛЕВИЧУ РЫТОВУ.

Алатырь.

Уважаемый Борис Яковлевич, давно уж не писал и я Вам, все как то душно кругом, давит окружающая атмосфера и жить становится все страшнее и страшнее. Что то творится кругом, отравляется здесь, хотя и изолируют нас от них от тревожных и жутких слухов, но они проникают и сеют многое, многое. Правда не знаю но все страшнее и страшнее день за днем, все кажется хуже и хуже. А тут в газетах начали мелькать воззвания к рабочим или еще хуже подвиги полицейских—нет как то не совместимо и не отрадно. Что то глухо всколыхнулось не только там, а кажется и здесь. Кажется не хватит терпения до конца, тем более для народа не сделано ничего и не делается ничего лучшего. Ничем не обеспечивается его будущая жизнь, в перспективе все тоже что и было. Да как же это так, что безнаказанно и в каких целях уничтожаются богатства и люди России и кто же и откуда они и кем снова будут восстанавливаться. Изнемогаем в войне, а за что знает ли народ. Говорят, чтобы разбить Германский милитаризм и засилие, но ведь здесь кажется вскочишь из огня, да в полымя, а чтобы уничтожить Германию—нет мы малы, неспособны к этому, тем более, что не можем быть хозяевами. Страшно думать, о том, что затрачивается на эту безумную бойню, а между тем, добрая половина этого расхищается. Нет пора кончить. Пишите.

Ваш Петр.

2 ноября 1916 г.

№ 7.

НЕЗНАХИНОЙ.

Пермь.

Что это такое, будет ли конец войны или бы конец света . . . долго будут еще нас тиранить поверь не выносимо, кормят, как свиней, всеми отбросами, можно сказать только что мы не ели за нынешнее лето один Бог знает . . . мы терпели и ожидали осень, опять нет мира, да куда мы будем томиться полуголодными. Скоро ли встанут наши отцы и не будут давать своих детей под убой напрасно, это не война за родину, а истребление . . . Мы идем, как тигры, а нас давно уж поджидают и истребляют, как на-секомую тварь, а начальству нашему за это дают награду. Пушай и дурь наша просветлеет тогда, когда мы будем бить во всю и повсюду и не избежит тот, кто нас сейчас в три погибели гнет и к окончательному раззорению, мы тогда будем действительно сражаться за право и свободу. Всем им будет конец.

Ноябрь 1916 г.

Подписи нет.

№ 8.

И. ПЕТРУХИНУ.

Здесь весело только тем кровопийцам, которые как пауки высасывают у нас кровь—генералам, да толстопузым купцам, они на нас и смотрят, как на скотину, только доблестные студенты, если бы ни они, нам наверно было бы плохо. Эти несчастные офицеришки и генералишки, только и придираются-то честь не отдаешь, то не так идешь, но видно нужно терпеть до конца, придет время и на нашей улице будет праздник, только бы замирилась война да остаться живому.

Ноябрь 1916 г.

Подписи нет.

№ 9.

А. НИКОЛАЕВУ.

Алатырь.

Война надоела очень даже всем и каждому солдату потому что она без пользы для нас всех крестьян, хотя мы и выиграем—все гни спину за налоги и не выиграем, больше гнись мужичек. Как ни кинь все одно и то же, а лучше вались к чорту вся эта музыка и танцы, ложись спать, так и это—все мы все льем кровь, а за что и за кого, мы не знаем. Германец тот каждый солдат знает за что он идет. Хотя сказали бы нам одно слово правильно и то хорошо, а то врут обманывают солдат.

Ноябрь 1916 г.

Павел Николаев.

№ 10.

АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВНЕ ОРЛОВОЙ.

Дер. Чауш.

Из твоих писем я узнал, что посытки не принимают. Вероятно это через забастовки. Хорошенько бы забастовали скорее бы мир был, а то в газетах пишут, что Московское купечество не желает мира. Им хорошо не желать мира, они там в театр ходят: представляют им всякую чепуху, а они смеются. Выходит, что мы воюем для Николая Александровича и для Николая Николаевича, которому хочется быть королем Польши. Мы брали Австрию и добрались, что войско положили и пришлось все бросить бежать отсюда. Всю Галицию забрали, сколько крепостей взяли, а потом пришлось бежать без оглядки. Забрались на Карпаты, там нам и задали трезвон. Налетели цепелины и аэропланы, давай огненным огнем сыпать, а снизу из орудий. Наша Россия всегда будет побеждена, потому что у других держав много готовых орудий, а у нас только господа офицеры умеют гулять. Нас только и учат честь отдавать. У Германцев не так: у них у каждого есть план и они знают, куда идут. Они не лезут так на штыки, как мы. Штыки довели нас до ничего. Войско все положили, теперь гонят молодых, которые ничего не знают.

Иван Орлов.

185 пех. Башкирский полк.

№ 11.

И. И. СИНИЦЫНУ.

Самара.

Мерзнем, мокнем и посылаем проклятия тем Иродам, кто начал эту бойню и не дождемся, когда это все кончится и когда закончатся бурлить потоки человеческой крови, мы тоже читаем газеты, но уже не стали читать разные наступления генерала Брусилова и Французское наступление, но читаем наступления буржуазии, как оне наступают на наших голодных жен и отцов, сдирают последнюю шкуру, мол новая обростет.

Федор Синицын.

7 Ноября 1916 г.

110 пех. Камский полк.

№ 12.

СТЕПАНУ ИВАНОВИЧУ МЫСЕНКОВУ.

Ст. Лады.

Страдаем ни за что, за графов, да за панов, где ни пойдешь, чьи леса—все панов, сколько мы его порубили, тут же деньги большие

тысячи казна выплачивает. Тем война в пользу, а у мужиков, которые поразбегались, ломают избы и дворы, это ни за что пропадает, вот обидная война для крестьян.

Подписи нет.

№ 13.

МИХАИЛУ ФЕДОТОВИЧУ КОНАНЫХИНУ.

Балашов.

Их бы каждого взял в ряды войск, разных министров, которые обдумывают, чтобы вести войну и посадить бы их на секрет и одеть бы так, как мы сейчас одеты, что шинель рваная, а гимнастерок нет, он тогда бы и узнал вести войну или нет. . . Эта война одно захотели перевести народ, больше ничего. Запродали, а сейчас хотят обратно взять, нашего брата класть. Немец кричит — пан, вы на нашей земле, у нас куплено по Двину уходите.

Данил Максимович.

13 Декабря 1916 г.

№ 14.

МАРФЕ ПЕТРОВНЕ НЕНАХОВОЙ.

С. Расказань.

Никогда не забуду я мошенников, которые нашего бычка возьмут у нас, они хотят последнюю рубашку стянуть с Вас, они так делают: кто здесь страдает, того и там раззоряют, а кто дома или работники есть, того наверно не трогают. . . Марфуня я еще прошу тебя пожалуйста не давай, колом их со двора гони.

Подписи нет.

№ 15.

ПРАСКОВЬЕ ВАСИЛЬЕВНЕ КОНДРАТЬЕВОЙ.

Казань.

Мужья родину защищают, а купцы видят, что в России им никто не страшен с бедняков шкуру дерут и начальство ничего не говорит, а если говорит, то все равно на ветер, а делать ничего не делают, деньга в соблазн купцовская и их берет. Хоть бы живым остаться — охота поглядеть, чем эти издевательства кончатся. А с купцами то расправимся. Мы бы живо им показали, где раки зимуют, а то будто не враги, а в России хуже врагов немцев или австрийцев.

М. Кондратьев.

Декабрь 1916 г.

№ 16.

НИКОЛАЮ ВИНТОРОВИЧУ РЯБОВУ.

С. Кальгино.

Ведь как насытило всех этой войной проклятой, все ее проклинают и не могут дождаться конца, да ведь и хорошего мало в этой войне, хотя бы и был перевес на нашей стороне, но все равно, для нас легче не будет. Хорошо тем кто имеет капитал, они нагребут в карманы, а нас бедных наоборот совсем раззорят до основания, да и начальству нашему живется недурно, получают они двойное жалованье, а наши солдатики, за что страдают, они ведь получают по 75 коп. в месяц жалованья, это ведь не дурно.

Г. Зиновьев.

Лазарет 27 пех. дивизии.

№ 17.

АННЕ КИРЮШКИНОЙ.

д. Сойтино.

Наша жизнь тоже не очень завидная, висит на тоненькой нитке, так что ежеминутно наготове к будущей жизни или сказать позорной смерти, не досадно было бы умереть за родину если были ублажены со стороны Правительства. Много, много пролили крови и положили жизнь свою за родину, за царя; шли все охотой все вперед не жалея свою молодую жизнь и оставляя за собой матерей, жен и малолетних детей, покидая их, а теперь, что слышно нам от солдаток и старых матерей и отцов — распродали последних коров по ничтожной цене по недостатку кормового припаса, а также страдают с голоду, а правительство несмотря на слезы бедных солдаток и детей накладывают на разные товары налог больше и больше и затем не дает льготы на разные платежи или за податей выносят последний самовар, кому война, а кому большая нажива.

Подписи нет.

26 Декабря 1916 г.

№ 18.

Ведь не будут же в тылу есть чечевицу, фасоль, гнилую рыбу и треску; это только можно кормить армию защитников родины и водить их разутыми. Когда же конец этой бойни и людскому обману, который теперь вырисовывается во всю свою величину. Да здесь живут, но это не жизнь, а кошмар от которого раньше времени сойдешь в могилу. А главное кошмар, который трудно прогнать.

Я кажется писал, что война эта на иоту не принесет пользы тем, которые гниют в окопах и еще меньше нужно надеяться на победу. Можно с уверенностью сказать, что если бы еще 10 лет провоевали, то потерянного не вернуть и если не вложить меча в ножны сейчас же, потом его трудно вложить, ибо он заржавеет. Все кто кричит о продолжении войны пусть бы сами поехали хоть на неделю сюда и сказали-ли они потом о продолжении. Ну довольно будьте здоровы всех целую и поздравляю с Рождеством. Из нового места напишу, если . . . Целую.

Ваш Никифор.

Декабрь 1916 г.

№ 19.

НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ ТУКМАЧЕВУ.

Дер. Балваны.

Успехов в войне никаких не видно, кроме непросветных глупостей, чем это дело впоследствии выяснится, не знаю, война приняла затяжной характер для всех держав, конца этому садоху и гамору кажется не будет до тех пор пока не прибьют весь народ, который способен носить оружие. Эх дружище Коля обидно честное слово обидно такую кару переносить невинным людям. Для чего же эта война скажите пожалуйста и вся роль войны заключается в том, что якобы истребить весь род мужского пола, чтобы мол не чавкали, что Вам нужно земли и свободной жизни. За 1914 г. и 1915 г. наделили некоторых стариков земель в 2 аршина глубины, а в ширину несколько аршин, потому что в этой яме накинато несколько солдат, вот им тут и земля помещицкая и свободная жизнь на веки и помните Коля это все продельвается на помещицкой земле, как в нашей Польше так само и за границей. Все бои продолжаются в Галиции на помещицкой земле, вся кровь крестьянская пролилась ручьем.

Фома Илларионович Егосин.

9 Армейский корпус.

№ 20.

БАБКИНУ.

Пермь.

Судя по содержанию письма если и предыдущие были в этом духе изложены, то становится понятным причина их пропажи. Режим, боязнь, чтобы мы не узнали о царящих на Руси вакханалиях на почве наживы, заставляют их уничтожать документы, чтобы голос, вопль не проник с родины в армию. Мы отгорожены Китай-

ской стеной от действительности российской, только питаемся слухами, которым я мало верил, столько невероятного, почти сказочного совершается там у Вас и рождается вопрос: да за что мы страдаем, за кого, где те свыше. Да и подумав приходишь к выводу, умираем проливаем кровь, чтобы дать жизнь акулам из мира чиновного и коммерческого. Хамства на св. Руси разливное море. Ведь с сим были бы похоронены Ваши желания идеи носимые об этом с юных лет вами. . . . Но это осуществлено быть не могло вследствие разнородных стремлений и характеров наймитов не понимающих Вас и пришлось идею похоронить.

Декабрь 1916 г.

Василий П.

№ 21.

А. Г. АЛЕХИНУ.

Балашов.

Война всем наносит неисчислимые убытки, только одни буржуи карманы толстые набивают, а бедным очень трудно. Они черти только и желают войны еще года на 2. В окопы его каждого посадить, тогда бы он другим голосом запел. Эта тварь любит эксплуатировать чужой труд рабочего класса. Им для наживы нет ничего лучше как война. Сюда их мало попало, все большей частью освобождены да и в тылу армии. Придет время и на нашей улице будет праздник.

Зубров.

329 пех. Бузулукский полк.

№ 22.

ГЕННАДИЮ МУРАТОВСКОМУ ДЛЯ П. А. К.

Самара.

Наши и союзные с нами Правительства в лице их представителей спешать открыть истинную причину этого выступления ¹⁾. В их поспешности, громких фразах, торжественных обещаниях продолжать войну до конца сквозит страх за народное чувство. Они боятся как бы истосковавшийся по правильной жизни народ не встретил известие о мире взрывом удовольствия. Поэтому они там и спешат смешать все в кучу. Но как бы там ни было дело началось хотя и во вражеском лагере. Будем ждать продолжения. Может быть благоразумие подскажет нашим законам, что продолжать войну при условиях, в которых сейчас находимся мы рискованно. Сам догадывайся.

Сын Андрей.

31 Декабря 1916 г.

Химическая команда.

¹⁾ Речь идет о мирных предложениях со стороны Германии.

НИНЕ ДМИТРИЕВНЕ ЗЕТАЕВОЙ.

Хоть бы скорее кончилась война. И чорт знает, мир не хотят заключать, а о том, не думают, что сколько страдает народу от этой бесполезной войны. Что они отняли у некоторых все и думают, что удовлетворили всех своей кашей и щами, да кроме всего этого забрали куда то самолюбие каждого и лишили возможности сказать свое я. Да что же я за гражданин Руси, когда не могу самостоятельно за свою шкуру сказать слово. Ну ничего, скоро, скоро придет день расплаты. И они будут знать раз взяли роль ответственную, то умей ей руководить и не забывай про тех сограждан, которые лишились своего благодаря ихнему капризу.

Александр Григорьев.

73 марш. эскадрон 5-го гусарского
Александрийского ее величества полка.

Январь 1917 г.

№ 24.

Много теперь готовят солдат к весне и лету, чтобы сделать новое наступление. Не могу равнодушно слушать о войне. Вот кончится она и тогда узнаешь за что воюем и за что такую массу тупых жизней положили. Кричали, что мы отбиваемся от немца и с немцем воюем, а их полно у власти, они нами управляют. Кое-когда пролетают какие нибудь слухи к нам и некоторые довольно приятные. Слышно было, что Распутина убили, а также Фредерикса, будто-бы скоро должен быть мир, а его нет. „Обязуемся воевать до последнего солдата“. А хорошо это говорить, но не быть в окопах, не голодать и не ходить в холоде босыми и раздетыми. Слышишь как заботятся о наших семьях, как вооружают полицию, чтобы они не просили хлеба. Что то тут солдаты поговаривают.

Подписи нет.

2 Января 1917 г.

№ 25.

ФОМЕ ЕФИМОВИЧУ ШМОРОВУ.

Дер. Елань.

Из письма Вашего видно мне вы силою власти лишились 2 сыновей и как видно 1 находится в плену, а другой Божией милостью находится на позиции. Господи Боже мой, сколько молодой жизни

томится в чужой окраине в окопах молодых и голодных и сколько безвинной крови пролили за 2½ года и за что все это кровопролитие льется. Если бы наши наставники шли по стопам Христа, этого кровопролития не должно быть. Господь сказал: „Возлюби ближнего своего как самого себя“. А у нас в церкви наставники проклинают врага, а кого. И кто наш враг. Вот как мы запуганы священническим законом. Здесь нас как маленьких ребят потешают: то перчатки на взвод пожертвуют, то конвертик, коробочку спичек как глупеньким, а в деревне при помощи полиции все хозяйство отбирают. Господи Боже мой, ведь как надоело и обидно, ведь третью войну приходится служить, а за что, за родину. Верно, за то где я родился, вот какое отечество. И сколько нас таких зимогоров. Несчастный крестьянин, он всех дормоедов кормит и его несчастного бьют. Вот наша правда.

Иван Косарев.

№ 26.

МАТВЕЮ ПАНИНУ.

Пенза.

Зачем Вы допустили властвовать над собой богачам, что они с Вас по три шкуры дерут, и дойдет до того, что на них работать не поспеешь, и все сами себя с'едите. Вся тяжесть легла на бедное население; жаль мучеников. Мало, что здесь кровь проливают за них буржуев, а они и там шкуру дерут; это им даром не пройдет: отольются им слезы бедного люда. Знаешь Матвей Васильевич, у солдат все из рук валится и пропадает вся энергия к службе, досадно становится. Разве мы для этого сюда шли, чтобы наши гнезда дома разоряли. Нет, этого никто не предполагал: шли с верой на защиту отечества от врага внешнего и забыли про врага внутреннего, но он далеко не уйдет, а останется на своем месте. Забыли они, вероятно, 1905 г. Мало их жарили на костре и опять хотят этого. Дошкурят они бедный народ и вызовут его на себя, и горе им будет. Зачем так делать, что у нас в России не хватает. Слава Богу всего достаточно. Нет, дают врагу нашему радоваться своими выходками и мучают бедный народ, но долго это продолжаться не будет, подавятся человеческой кровью, и огонь смоет грехи их. Да, Матвей Васильевич, друг мой, пришло время, и жизнь стала туга, и нет никого кто бы помог нам в жизни нашей, в грязь затоптать много найдется и обобрать тоже, но помочь бедняку нет никого. Но нет, мы духом не падаем, и дело свое сделаем здесь и там.

Известный Вам И. Ф.

№ 27.

Теперь в военное время с ними чикаться не надо: раз, два и в дамки. Если бы пришлось возвратиться мне в Россию то я пожалуй не одному—как у нас называют внутреннему врагу—голове скрутил, а то разве им война..... Они только хлеб и всякие продукты портят и занимают места калек и потерявших здоровье за два года войны. Им время давно побывать на кровавом поле. Тогда бы они узнали, как жить на свете и обращаться с людьми хотя и ниже их стоящими по образованию. Доведись мне только вернуться, я с этой воздушной интеллигенцией поздороваюсь.

Сидоров.

Январь 1917 г.

№ 28.

АНДРЕЮ ИВАНОВИЧУ ПЛОТНИКОВУ.

Уфа.

Насчет Думы печальное положение, но „терпите“ сказал Христос. Будет день будет и пища. Про людей решающих судьбу России, у нас мало надо обращать внимания на такую сволочь. Они продали Россию своим союзникам. Их всех как германцев расстреливать надо. Они увидели, что клочек России остался и бьемся до последней капли крови, так нет им нужно остатки отдать германцу. Крошить такую сволочь, а не истинно русские люди. Как кончу войну и сейчас берусь громить до одного, этих зверей надо искоренить, пусть русская земля не носит паразитов. Это сволочь, а не люди. У нас найдутся лучшие чем германская собачья кровь.

Александр.

3-я батарея Сиб. бригады.

№ 29.

Мы в несчастных Карпатах, не желаю Вам сюда попасть мы бы желали, чтобы Вы там нам помогли, выручали бы нас из этого ада. Кормят нас плохо и все мошенство и мошенство, все обещают нам золотые венцы, а кто обещает, ни одного здесь нет, а много дурачки верят этой брехне. Если будут верить этой брехне, то еще долго продлится народное истребление. Я бы не желал Вам сюда идти: тут ничего не поможете, только голову положите. Постарайтесь там пересилить наших шкуроедов.

Подписи нет.

Январь 1917 г.

№ 30.

МИТРИУ ПРОКОПИЕВИЧУ БОРИСОВУ.

Казань.

А сам с детьми живи, как знаешь, а в газетах пишут чтобы не удерживать из этих денег (пособий) ни копейки, а местные власти, что хотят то и делают. Например какой черт держат полицию, кого они охраняют. Стариков да малых ребят, да солдатских жен, гнали бы их всех сюда, а на их место нашлись бы раненые солдаты, а то другой раз 3-4 ранен и опять в окопах а они получают 40 р. в мес. и караулят своих жен растреп. Хотят забрать всех мальчишек, а стражников, черт бы их забрал, и не думают брать. Около 2-х миллионов самого первого войска и оно дурака валяет, а людей очень много больных и стариков по 43 года. Если их не возьмут, то после войны своими руками будем душить полицию, а скорее всего забастуем и не пойдем на позицию, пока не пришлют на фронт полицейских, а их места заступят раненые.

М. П. Борисов.

Январь 1917 г.

№ 31.

Д. МИХАИЛОВИЧУ ГАВРИЛОВУ.

Дер. Хоприк.

Я не понимаю для чего это все мобилизуют народ, наступления нет, и тыловой армии много. Только и дело, направо да налево; это что то не так, вот чего либо будет вспомни мои слова или же бунт, или войны конец. Ни так что то урядники да стражники и городовые занимаются пулеметами день и ночь, что то чувствуют.

Подписи нет.

№ 32.

ПЕТРУ УЛЬЯНОВИЧУ ШАМИНУ.

С. М.-Шатнева.

Кругом несправедливость стражников и помещиков обучают к пулеметам в городах и мы находимся между гор. и позицией в кольце.

Подписи нет.

Штемпель „Полевая почтовая контора № 5“.

№ 33.

АЛЕКСАНДРУ АНТОНОВУ.

Уфа. 144 зап. пех. полк 13 рота 4 взв.

Я очень беспокоюсь об Вас в том, что Вы пишете, что у Вас свирепствует зараза, какая это болезнь. Про свое здоровье я тоже могу Вам сообщить, что я здоров и живется пока хорошо. Затем Вы пишете что у Вас будет бунт, у нас тоже что то наверное будет, так как у нас в каждую роту подброшены прокламации. Много чего писано и просят, чтобы не стреляли. Из нас никто не жалеет, что забрано германцами, а только каждый желает мира, нам бесполезно, хотя бы и взяли у неприятеля что либо, все равно будет все казенное у помещиков.

Подписи нет.

№ 34.

НАДЕЖДЕ ВЛАДИМИРОВНЕ ПИХТОНОВОЙ.

Пенза.

Война, война замучила весь народ и тех, кто на войне и тех, кто дома, неужели все это скоро не кончится, когда это стадо баранов очнется и не пойдет добровольно на войну за графские земли и леса, ведь у нас ничего нет, и после войны не дадут, а домашность вся разорится. Надоело и надоело, хуже ничего не может быть.

Подписи нет.

№ 35.

С. С. ХОЛКИНУ.

Камаровка.

Пишите какие разговоры идут дома относительно войны, нет ли бунтов, если есть, то нужно их усиливать, тогда только война кончится. Эта война не для того, чтобы забрать у неприятеля клочек земли, а для того, чтобы уничтожить весь народ и вот после этой войны будут описывать все, а разговор в войсках идет нехороший. Неизвестно что будет дальше продолжаться, то получится большое волнение в войсках, потому что нет никакого терпения.

В. С. Холкин.

Февраль 1917 г.

№ 36.

О мире ничего не слышать, вот уже 3-й год пошел вобще по миру наверно и не будет, а только может быть мир тогда ежели сами солдаты сделают и в России будут в заводах забастовки. Тогда будет только мир, а так не дождешься ежели не забастуют, а здесь слышать поговаривают про это но не знаю что будет дальше, а вы пропишите что у вас слышно в газетах нового и про мир.

Кузнецов.

Февраль 1917 г.

№ 37.

КСЕНИИ ГРИГОРЬЕВНЕ ЕМЕЛИНОЙ.

Казань.

Сколько неправды на сей Руси. Ужасно, писать нельзя, даже секретки проходят цензуру. Был бы я холост (?) уничтожил бы эту чертову Г. Думу. Это лучший бардак Руси святой и довольно богатая Русь все проиграла. Скорее бы мирились чем дальше в лес, тем больше дров, если они будут. Здесь стали часто забастовки против войны. Скоро приходим к вам совсем, скоро будет мир. Солдаты все стали никуда, дай нам мир, никуда не идут. Дают солдатам вина зеленого, ничем не уговорят, ничего не хотят, а одно дай мир нам. Солдаты мир сделают сами, уж много корпусов отказалось от наступления. . . . Но будет еще война внутри России.

Бронева автомоб. рота Команда 49.

14 февраля 1917 г.

№ 38.

ИВАНУ ПЕТРОВИЧУ АГАФОНОВУ.

Дер. I аменевка.

Сейчас на позиции зима хотя не очень холодная, но очень трудно и на что только мать родила простудил ноги и руки сейчас ломит и пухнут что делать и за болезнь не считают. Когда это кончится не дождешься. Наверно придется самим кончить, таки будет, обожди они доведут до этой точки. Все войска жаждут мира если за эту зиму не будет то летом пускай сама буржуазия воюют, а нашему брату надоело, мало того ничего нехватка, босы, хлеба нету, варют воду, больше ничего, холод, вши едят, начальство сердито.

есть не проси а занятия каждый день и в окопах так мучают не дай Бог. Пока офицер не спит и то с палкой проходи, а то укусит, честь не отдал сейчас под ранец и морду набьют. На позиции они лезут на две сажени в землю так что ево немец не найдет и снарядом.

Февраль 1917 г.

Егор.
Полевой запасн. госпит.

№ 39.

ЗАХАРОВУ.

Лысвенский завод.

А сколько подлостей сколько измены, прямо не хочется верить рассказам от которых кровь в жилах стынет, а между тем это го-лые факты, ведь это просто не война, а систематическое избивение солдат. Да еще мечтают о победе . . . а для чего же отправили пулеметы по волостям, вероятно что нибудь предчувствуют. В Харькове забастовали студенты и устроили демонстрацию, требуя чтобы полицию тоже брали на службу, их усмирили залпами . . . но забастовки не прекратились и во многих городах бастуют все заводы и фабрики. Начинаются забастовки и на позициях, многие полки даже дивизии отказываются итти в атаку. Давно пора. Иначе ничего не выйдет.

Н. Захаров.
Госпиталь № 15.

№ 40.

СВЕТЛАНОВОЙ.

Пермь.

Накануне нашего перевода в германские окопы против наших были выставлены плакаты „прощай 7 корпус тебя достойно встретят в Румынии“. Обидное для нас предупреждение и горькое, как факт . . . у нас части знают гораздо меньше о себе, своей участи и судьбе чем наши враги. Больно больше становится за тыл, за все беспорядки, которые происходят за плечами армии . . . смело поднимает клоака темных сил голову ведет страну к событиям 1905 г. Во главе правительства стоит тот же Трепов, слова которого „патронов не жалеть холостых залпов не давать“ еще не забыты . . . Устроитель всяких погромов Курлов, как и в 1905 г.

снова взял в свои руки полицию . . . Правительство мобилизовало полицию назначило опытных в погромах руководителей и стоит ошестинившись против голодной измучившейся массы переутомленных рабочих, бабской деревни с оравой больных оборванных детишек . . . мы должны быть готовыми к борьбе на два фронта.

Светлаков.

7-й Мортирный арт. парк дивизиона.

№ 41.

ПЕТРУ ИЛЬИЧУ КОЧЕРГАНОВУ.

Пенза Штаб 137 п. зап. полка.

Сам я несколько раз уже думал обо всем этом напрасно, только крови себе портим больше ничего. Мы сами тоже бы не признавали этого, что над нами делают, если бы находились на ступенях вышних. И теперь и до сих пор и после нас еще много найдется людей, которые будут отдавать себя в такое рабство, в каком мы теперь находимся. Ведь правда еще и мы не можем представить себе, как мы будем жить без администрации и правительства. А без уничтожения сих указанных не может быть, чтобы мы вышли на полную свободу. Если бы не было повинностей, если бы человек дошел до того, чтобы мог сам без всяких властей жить, тогда бы не было этих ужасов, что теперь мы видим. Пустить теперь всех людей на произвол судьбы и то бы в продолжении тысячелетий не могло бы совершиться то, что теперь совершается в один год войны. Ты не считай только то, что творится на позиции, считай и то, сколько теперь погибших людей, совершенных краж, нахальства и насилия, сколько уничтожено плода, испорчено нравов, распространено болезней, ограблено, сколько калек, проституции, и все это благодаря войне. Разве можно сосчитать всего того, что творится во время войны. Бедное население, выжитое из территории войны, ютящиеся вблизи расположения войск. Это чисто мученики, а не страдальцы. Да, друг, этого, говорю вторично за тысячу лет не было бы, если бы были без администрации. Народ пришел бы в состояние высшего самосознания. Он стал человеком в буквальном смысле слова. А правительство всех государств делают человека диким, как ласковая собака, на цепи делается злой. Не увидим мы этих светлых дней, когда не будут спрашивать паспорта. Довольно и об этом думал, мысли только расстраиваются, а потому бросаю.

М. Д.

№ 42.

ВЛАДИМИРУ МИХАЙЛОВИЧУ ВИНОГРАДОВУ.

Казань.

Ну как читаете ли про Думу Государств. Разговоры умные, но суждено ли эти разговоры оправдать цель своего смысла. Теперь интерес к событиям военных действий пропал и вопрос тыла встал на первый план. Как много оказывается нужно реформировать в России, чтобы хотя мало мало наладить государственную ладью, чтобы она могла держаться на уровне войны, а правые так тормозят всему делу. Устраивают ли у Вас общественные лавки. Как сократилась или нет посевная площадь полей. Кто теперь участвует на сходах.—Наверное есть женщины, как они высказываются ведь теперь подходит такое время, что женщина всемирно должна выдвинуться и взять надлежащую позицию. Да все таки и то сделано в школьном деле много деревня увидит, что свет начинает проникать и счастлив тот будет народ, который прозреет и взглянет на всю неправоту и продиктует свои требования. Да война, война много ты жизнью взяла, что нам дадут взамен их думаю что хорошего мало.

Виктор Антипин.

№ 43.

ПАНОМАРЕВОЙ ДЛЯ РАИЧКИ.

Казань.

У нас начинаются шевелиться как „красные“ так и „черные“. Третьяго дня удостоили своим посещением 4 мирных жителей, в том числе к местному библиотекарю, к их великому удивлению они ничего не нашли, хотя по нюху чувят, что „красные“ тоже не спят.

М. К.

№ 44.

ГЕННАДИЮ МИХАЙЛОВИЧУ МУРАТОВСКОМУ.

Самара.

В Думе, если читаешь ты газеты то должно быть тебе известно, левые против войны, настойчиво проводят идею скорого заключения мира. Даже речи этих депутатов не прошли в цензуре и не напе-

чатаны. А эти люди больше всех внушают доверие и им приходится верить. Какой будет конец войны предположить неудобно, но я думаю не в нашу пользу.

Подписи нет.

№ 45.

ЯКОВУ МАКАРОВИЧУ ВЕСЕЛОВУ.

Казань.

Вот дорогой мой тятенька. Видите какая правда. Вы днем и ночью работаете с малых ваших лет, а тут под старость еще является сукин сын да и тот же мошенник Баженов народный представитель в государственной Думе. Разве он скажет слово в пользу народа и на пользу темного и грязного черного люда. Он небось из своего жалования одной копейки на войну не утратил, а наоборот ввиду дорговизны прибавки жалования требуется. Да им требуется, а тут последнюю шкуру дерут и говорят молчи, а то вот тебе смерть, а тут полиция за горло, отдай разные повинности. Где правда. Где истинная совесть где справедливость на матушке Руси. Ой горе. И печаль, видно придется пострадать.

К. Я. Веселов.

№ 46.

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ АРХИПОВУ.

Златоуст.

Вы пишете, что есть слухи, что будет мир, нет этого и ожидать нечего. Вы пишете, что германец просит мир для него нет и повода чтобы ему просить мир он еще нигде не побежден, он не ослабевает, а наоборот мир может только тогда, когда будет продиктовано условие мира народом и рабочим классом и не правителями этой кровопролитной и братоубийственной войны. Вы знаете, как всем защитникам этой войны. все это опротивело. Никто даже и не желает чтобы добиться почетного мира.

Подписи нет.

Штаб 4 Государств. ополчения.

№ 47.

МИХАИЛУ МАТВЕЕВИЧУ МОЩЕВИТИНУ.

Сарапуль.

Настроение у солдат могу сказать подавленное, но не от того, что мы не победим, а от того, что нас подло обманули, всю эту

войну выставив как священную войну. Теперь солдат не тот, что был в Японскую войну, под маской покорности рабской кроется страшная злоба на всю эту шваль, именующими себя рыцарями и разными т. п. господами, только зажечь маленькую спичку и вся эта масса загорит и тогда уже трудно будет остановить эту народную массу. Она поглотит все на своем пути и тогда трепещет злодей, толкнувший нас на эту войну. Да противно унижаться и думаешь себе с каким бы наслаждением я пропорол бы тебе брюхо, ну да пускай творят пока все это и слепнут в своем славолубии, придет народ на этот великий мир, и возблагодарит их за все. Еще ты дядя пишешь, что не стало в Думе наших, да 6 чел., жалко жалко. Это их за правду.

Ваш племянник.

№ 48.

Напрасно в России народ уничтожается, убивают напрасно, весь народ волнуется, и все готовы к революции. А что революция будет, так это пожалуй более чем вероятно. Дума и то ведет все к этому. А разве народ, который всю тяжесть войны несет на своих плечах, народ который раньше был слеп, который раньше усыпляли в беспробудном вьянстве, разве народ этот не прозрел, разве он не видит, что царящая кругом измена проникла в верхние слои правительства, которое дискредитировало свою власть. Ну и правительство едва ли добровольно выпустит власть из своих рук. И власть при этом безграничную.

Подписи нет.

№ 49.

СТАРОМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Редакция газеты „Саратовский вестник“.

Уважаемый старый журналист, позвольте поделиться впечатлениями от Вашего фельетона „Тридцать лет спустя“. Вы, как видно из фельетона, из „пострадавших“. Передовица, тоже судя по стилю Ваша, где Вы так легко бросаете грозное слово—Азефы. Больно. Обидно. Я знаю, вы будите говорить что истинные борцы и в Ваших глазах борцы. Но вот постановка всего вопроса, принижение пробуждения самостоятельной борьбы рабочего класса на степень равенства с лайдаками. Ведь Вы вывели героя, не как исключение, а как общее явление. Я знаю понимаю когда воен. судеб. следов. в Петербурге допрашивая меня говорил, что Ваши руководители по-

лучили 2 миллиона рублей. (После уж я слышал и 17). Читал я „Карауловское“ знаменитое выражение продажности рабочих руководителей. Неужели можно под то настроение народное, которое все признают грозным подвести фундамент Азефовщины. Неужели Вы глубже не можете посмотреть на тот процесс, который происходит в настоящее время среди народа. Если вы народу приписываете, что в начале войны он инстинктивно не понял „оборону“, то почему же Вы отказываете этому народу, когда он не желает „проливов“, когда он понял, что довольно крови и слез. А если это так, то Вы подойдите к рабочему, крестьянину, солдату не как господин, которого бояться, а просто как человек и тогда Вы поймете, что не только воевать, но что мы находимся на вулкане и признаки его на лицо—это петербургские слухи. У г.г. Милюковых не достаёт присутствия духа посмотреть открыто и они начинают прятать голову, как страус, под азефовщину. Ведь легко и просто сказать, что 1905 г. создан японцами, а движение 1914 г. и последующее на немецкие, да на протопоповские деньги. Да неужели Вы думаете серьезно, что оружие будут раздавать на заводе Леснер темные личности—азефы. Нет этим не шутят. Вы еще знаете мало рабочих. Вы их видели из вагона. Поэтому и судите так, что раз рабочему дано оружие, то он будет исполнять желание давшего это оружие. Нет, „темные личности“ не такие дураки и знают, что оружие имеет разное применение и скорей пойдет на защиту собственных интересов. Неужели по Вашему мнению вся борьба за мир и вся надежда мира просто на просто—азефовщина. Ведь поймите весь ужас, когда читаешь Ваш фельетон-исповедь и вывод „лайдаки“ ловят неопытных мальчишек, которым больше всего и дороже всего красная гвоздика в петлице. Чувствуется, что и до сих пор Вы кроме гвоздики ничего не видали, слона то и не приметили. Да и трудно его заметить. Ведь Вы шли „героем“ с оттенком майнридовщины, а не несли тяжесть господ Марковых или просвещенных Гучковых. О, тогда бы Вы рассуждали не так поверхностно. У меня закрадывается сомнение уж не мистификация ли со стороны г.г. Милюковых. Ведь смешно же все свели к простому желанию г.г. Милюковых устроить революцию. Неужели Вы думаете среди Петербургских рабочих, да еще на Леснере можно выступать ложному Милюкову. Да никогда. Рабочие такого аратора не стали бы слушать в лучшем случае, а в худшем—тачка. Я думаю, что г.г. Милюковы приняли сплетню за действительность и всю вину взвалили на рабочих обвинив—тот кто ве с нами, тот предатель—„темные силы“. Разве это не младенче-

ство, если не хуже. Вы пишете: разворачиваете газету и видите письмо Милюкова и воззвание генерала об одном и том же и удивляетесь—думаете это истина. Да Вы слышали-голос обвиняемых. В спину легко нанести удар-благо что все зажито и голосом громко не может в печати раздаться: И ты Брут . . . Меня еще удивляет, почему так чувствуется во всей либеральной печати такой испуг, как только разнеслось: рабочие хотят идти к Государственной Думе . . . Эх защитники боитесь, что придут подзащитные. Хорошо же Вы их защищаете, что боитесь дать отчет. И вместе пугаете рабочих „патронов не пожалею“ за то только что хотят проявить гражданственность. Одно только можно сказать, что в гибели России повинна наша буржуазия и ее предшественники либеральная интеллигенция.

Пора господа сбросить повязку с глаз и открыто посмотреть, то что происходит в народе. Вы я думаю удивитесь моему нескладному письму. К чему оно. Бросите в корзину подумав, что пишет какой то фанатик или Вы напуганы так, что подумаете не лайдак ли и это в другом образе. Ведь у страха глаза велики. Написав письмо я встретил в Рус. Вед. передовицу от 10/II по этому же вопросу. Начало за здравие конец за упокой, но чувствуется, что пишущему передовицу совестно находить „простое лайдацкое объяснение“ и он углубляет. Не бойтесь и Вы г. Старый Журналист, что рабочее движение пойдет за предателями, оно пойдет туда куда требует история-вперед и может быть через Людовика . . . Тем лучше по моему.

Чтобы Вы не подумали, что Вам пишет ананим, то сообщаю, что я рабочий шахтер взят, как „неспокойный“ на службу-это в виде наказания. Был свидетель в 1913 г. расстрела рабочих шахтеров на Юге в Мае месяце. В заключении скажу, что настроение народа и солдат против войны и за мир и все именно ждуг спасение—в землетрясении и если Вы еще не ослеплены Дарданелами, то идите с народом.

Вениамин Ермощенко.
11 рота 138 пех. зап. полк.

10/II 1917 г.

„ВНУТРЕННИЕ“ ПИСЬМА ПРЕДФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРИОДА.

№ 1.

Вы пишете что нас скоро опять возьмут служить Царю и отечеству. Это конечно очень обидно но что делать вероятно мы все должны до гроба служить и защищаться по уставу Сандецкого: бей руками, рук не стало-есть зубами. Вот пришло времячко-подумаешь аш сердце кровью обливается. Сейчас я не знаю мне думается что жить можно только на военной службе только на позиции а в батальоне при мирной обстановке живу вот уже 18 дней на острове, жить очень хорошо сегодня доел последнюю корочку хлеба а завтра, что бог даст уже и к этому привыкли наши солдатики. Холод такой прямо страсть, а от воды, так знаешь вдвое холоднее. Трудно делается пойдешь в секрет полежишь 2 часа и целую ночь дрожишь как кобель. Сообщу еще одну штуку здесь есть слух как будто в Петрограде и Москве идет большая катавасия. Этому солдаты все радуются авось скорее мир.

К. Л.

Ноябрь 1916 год.

№ 2.

ЛЕОНИДУ ШАЛАВИНУ.

Казань.

Вчера студенты соц. демократы распространяли прокламации революции. Думаю, что это еще рановато покуда, хотя всецело я на их стороне. Правительство творило и творить продолжает такие вещи, которые ему ни за что мы народ не должен простить или спустить даром. Здесь всеобщее недовольство им открыто высказывается. Это на заводе идут крупные забастовки. Страшают рабочих и каторгой и окопами, но ничего не помогает. Первый день еще сегодня стали заводы более или менее хорошо работать. До чего доведет это урезанье рабочих-легко предвидеть.

Студент Степан Х.

№ 3.

КУВШИННИКОВУ.

Покровск.

У нас в городе ждут со дня на день революции, к нам в волостное правление привезли 2 пулемета только не знаю на чью голову, а в городе 4 пулемета, разговоры такого рода идут: едут будто бы к нам несколько студентов в помощь крестьянам, а также разговор ведется, что в Самаре была уже революция поразбивали магазины... то правительство выставило на голодных женщин полк солдат и командовали стрелять, но солдаты не стреляли, потом заставили вооруженную полицию, то полиция много ранила. Мы тоже ожидаем.

Подписи нет.

27 ноября 1916 года.

№ 4.

НАДЕЖДЕ НИКИФОРОВНЕ ИВАНОВОЙ.

с. Дурникино.

Сейчас нас не пускают никого потому что идет бунт, стражников побили много и целый месяц уже мы в бою. 3 уезда наш Заигзур, а потом Корягинский и Шушинский уезды, бьемся целый месяц просто беда.

Подписи нет.

30 ноября 1916 года.

№ 5.

А. М. ЯКОВЛЕВУ.

Сарапуль.

У нас есть маленькая новость, Самарские бабы устроили маленький бунт, пришли купить мяса, но мясники бедным женщинам мяса не давали, а давали только богатым, бедным стало обидно и они решили напасть на мясные лавки и растащили мясо, а самих мясников побили. На усмирение вызвали роту нашу.

269 пеш. Самарская дружина 3. рота.

№ 6.

ДАНИЛУ САДОВСКОМУ.

У нас идут в городе Самаре забастовки, большие магазины поразбили, а мы ходим на усмирение ночью и днем, что было-беда,

потому очень стало все дорого, да и нам будет страшно нас заставят стрелять стреляй, разгоняй, а мы не слушаем и то и гляди ответим.

Подписи нет.

№ 7.

КУПРИЯНОВУ.

В Петрограде закрыто 5 заводов на неизвестное время. На Выборгской стороне по случаю забастовки 2 завода Лейснера, Феникса, Эрижана и Металлический завод. У нас была забастовка. Один день убили одного городского и ранили околodочного, ну и рабочие многие пострадали, в том числе чуть и мне не попало, только тем и спасся, что забежал в парикмахерскую, а то бы тоже как голубчика вздули. Даже женщин нагайками драли. Ужасное было избиение.

Подписи нет.

№ 8.

МИХАИЛУ УЛАНОВСКОМУ.

Сл. Ильмень.

В городе Вольске, или, короче сказать в 245 полку, солдаты бунтуют, хлеба нет местами ни куска, так что ходим по ротам где есть лишний хлеб. Кашу варить отменили.

Подписи нет.

15 января 1917 года.

№ 9.

В г. Царицыне в 155 пех. Запасном полку был бунт. Забунтовались солдаты из за хлеба и за все просто, две недели не выходили на занятия. Занятия производятся очень слабо. Как у вас там требуют дисциплину, а здесь совсем слабо.

Коркин.

№ 10.

П. Ф. ШКИТИНУ.

с. Жуковна.

Еще пропишу, что у нас уже все готово и наверно числа 15-го или 20-го мы поедем, но кто говорит на позицию, а кто говорит в Сибирь на усмирение, вот кто его знает куда мы поедем, в городе

Оренбурге идут сильные бунты туда много отправили артиллерию и казаков и оттуда уже привезли несколько человек раненых и ранили одного офицера, а одного уже убили.

Подписи нет.

№ 11.

ПЕТРУ ИВАНОВИЧУ КАРАУЛОВУ.

. Синенькое.

Я вот немного пожил в Киеве а видел не раз, как отнимают жизнь у других, так что нам приходится быть свидетелями этой ужасной казни. Очень много людей вешают, а нам приходится охранять, где их вешают, поэтому я немогу терпеть и прошу на позицию. Там убивает неприятель, а не свои варвары. Может быть придется много горя увидеть, но ничего не поделаешь, не я один а миллионы людей смотрят прямо смерти в глаза. Я там буду за телеграфиста, так что мне не придется 50 верст бежать в день, как наши бегают при отступлении.

Василий Клещев.

Зап. телеграфный батальон.

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

О настроении армии в послефевральский период достаточно правильно говорит отчет цензора, помещаемый перед письмами IX раздела.

Солдатские письма, вначале войны осторожные, затем более смелые, а после Февраля боевые, кидающие вызов буржуазии, приводили в дрожь и ужас цензоров. Цензора месяц от месяца констатировали „все ухудшающееся настроение на фронте“. Не принесла улучшения и Февральская революция. „Свобода не укрепила боевой дух армии“ — пессимистически доносит Казанский цензор в мае 1917 года. Работа цензуры и после Февраля была направлена против революции. Теперь особой заботой были окружены большевистские письма и литература. Так, старший военный цензор г. Сарапуля запрашивает 18-го июля В.Ц.К. при Штабе Казанского Округа о высылке инструкции по цензурованию „большевистской литературы, призывающей к погромам, неповиновению власти, к свержению временного правительства и т. п.“ (дело № 13). Ответ на этот запрос был прост. „По приказанию Начальника Штаба Округа сообщая, что большевистская литература подлежит задержанию и представлению в комиссию для дальнейшего направлени на предмет привлечения к уголовной ответственности“ — сообщает председатель комиссии (Там же).

Цензура Временного правительства, как и царская, должна была изолировать большевиков от трудящихся фронта и тыла. Напрасно. Ясные, понятные и близкие трудящимся массам лозунги ленинской партии быстро распространялись и в деревни и в армии. Письма сборника лучшая тому иллюстрация. Хотя в нашем распоряжении оказалось небольшое количество послефевральских писем с фронта, все же они ясно передают, что армия отнюдь не желала воевать до победного конца во славу буржуазии. Упоение революцией продолжалось недолго. Быстро проходил угар „революционного оборончества“, охвативший армию в первые дни революции. Восторг и восхищение первых писем после Февраля („Да здравствует свобода, да здравствует Новое Правительство, не поддавайтесь братцы

граждане старому правительству"—солд. п. № 2) сменились ненавистью к Временному правительству, ибо солдаты поняли маневр буржуазии, превращавшей завоеванную трудящимися свободу в свободу только для себя, для своего своекорыстия и наживы. Громкие фразы о свободе и демократии, наполеоновские манеры и театральный пафос Керенского („Александра Македонского“) не могли обмануть солдатскую массу, которая требовала не „призрачной свободы для духа“, а реальной перемены социального строя России. Мир, хлеб, земля—вот вопросы, немедленного решения которых требовала армия. Но этих требований не хотело и не могло дать буржуазное временное правительство. Оставались не решенными не только коренные вопросы, революции, не сделано было улучшений даже самых элементарных. Армия попрежнему была голодной, раздетой и разутой. „Если бы Вы посмотрели на Русскую армию вы бы испугались, раньше нищие и то лучше ходили как мы в настоящее время ходим, во первых босые, во вторых голые“—читаем в письме Полякову Филлипу Тимофеевичу в с. Рыдня, от сына.

Временное правительство отнимало у солдат даже такие завоевания революции, как отмена отдания части, уничтожение телесных наказаний и расстрелов.

Очень скоро после Февраля солдат уже не делал большого различия между новым буржуазным режимом и старым царским. Оба были одинаково ненавистны. Армия перестала доверять временному правительству, „Наша дивизия порешила не ходить в наступление, а то мы потеряем свободу и опять буржуи возьмут нас в свои руки. Не мы войну начинаем, мы не хотим этого, а хотели войны наши цари да богачи, а потому и нужно бить только царей да богачей“ (письмо № 28).

Солдаты отказываются воевать, не идут на тактические занятия, говорят, „что наступать все равно мы не пойдем, так и нечего нас обучать наступлению“ (офицерское письмо № 3). Другой офицер об этом же самом явлении говорит другими словами: „всякий, кто проявляет завоевательный инстинкт, желает войны до конца, формально ненавидится“. (п. № 4).

„Процент бодрых писем был весьма незначителен. Абсолютное большинство писем угнетенного содержания слозунгом „долой войну“—доносил Казанский цензор в мае 1917 г.

А социалисты—шовинисты продолжали уверять всех в том, что после свержения Николая солдаты все как один, выступят защищать

свободу (буржуазную) от подлого немца. Как далеки они были от масс, давно уже отрезавших от всякого угара шовинизма. Даже смертная казнь, введенная Керенским, не спасла положения. Вот что пишет один офицер: „Из армии образовалось стадо баранов без пастыря. Смертная казнь не привела положительно ни к чему хорошему, а обострила отношения между Временным Правительством и Советом солдатских и рабочих депутатов (темной шайки, как я ее называю)“ — (письмо № 10)¹⁾.

Очень рельефно выразил настроение армии рядовой №-го запасного полка из Петрограда: „Временное правительство Гучков и Милюков хотят войну вести до победного конца и разбить Германию и взять Дарданеллу и Константинополь но мы им говорим, если хотите разбить Германию и взять Дарданеллы и другие города, то пожалуйста идите и берите, а мы друг друга избивать не хотим и отбивать тоже и вот если Гучков и Милюков не хотят исполнять ваши приказания, то враз штык в горло“ (письмо № 30).

Классовые противоречия на фронте (также как и в тылу) обострялись. Чем упорнее буржуазия настаивала на войне до победного конца, тем более революционным становился фронт. Быстро проходили иллюзии первых дней „свободы“, быстро спадала волна революционного оборончества. Солдатская масса большевизировалась. Об этом красноречиво говорят офицерские письма, полные злобы на Ленина и ленинцев.

„Всему... виной служит пропаганда Ленина. Ленин здесь вводят беспорядок... Теория Ленина об аграрных вопросах ведет армию из окопов в тыл для дележа земли. Ленин виновник дезертирства. Вообще же большая половина ленинской теории вредна. Ленин еще

¹⁾ Приводимые в этом разделе офицерские письма наглядно показывают, в каком тупике оказалась буржуазная Россия. В Февральской революции офицеры видели средство победоносного завершения войны. От Керенского буржуазные сынки с золотыми погонами были в восторге. „Сегодня весь день ждали нашего дорогого Гостя, Солнце России Военного Министра А. Ф. Керенского.... Эх Миша, ты не знаешь какое настроение, какой дух в армии, как все ждут этого великого гения“ (письмо № 1). Буржуазия надеялась, что Керенский своей обаятельной истерией сумеет увлечь трудящихся в борьбу за Дарданеллы. Но не только обаяние Керенского, но даже обаяние расстрелов не увлекали солдат в бой за интересы буржуазии. И офицеры открыто заявляют, что „как ни плох был Николай Романов, но все же при нем все-таки было больше порядку... Погибла Россия и все из за Керенского“. (Письмо № 10). Керенский погубил Россию „за что ему придется ответить своей головой“. (Там же). И офицерство пытается поставить своего твердого человека (Корнилова), на место размазни Керенского.

вреден потому, что солдаты его учения понимают не так как нужно. Толковать и объяснять солдатам нельзя. Опять виноват Ленин" (письмо № 7).

Вопреки утверждениям вот таких социалдемократов (автор письма именует себя эсдеком), солдаты прекрасно понимали простую классовую правду большевиков и не злопыхательным пигмеям было остановить бурный разлив Октябрьской революции. Партия ЛЕНИНА, несмотря на целую сеть клеветы, провокаций, гонений Временного правительства, сумела привести армию на великие пути освобождения труда.

Стихия фронта, не желавшая слушать краснобаев буржуазного и соглашательского толка, была организована ленинцами на восстание за Великий ОКТЯБРЬ.

К ужасу угнетателей и филистеров всего мира над великой свободной страной засияла красная звезда Советов рабочих и крестьян.

О Т Ч Е Т

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОГО ЦЕНЗОРА П. О. ПОРУБАЛЬСКОГО ЗА ОТЧЕТНУЮ НЕДЕЛЮ ОТ 30 ИЮЛЯ ПО 6 АВГУСТА 1917 ГОДА.

Письма из действующей армии.

Среди писем из действующей армии все больше и больше слышится раздор, даже вражда между офицерами и солдатами. В офицерских письмах жалобы на то, что солдаты не только потеряли всякое уважение к офицерству, но даже с насмешками встречают всякие приказания: „убирайся к чорту“, жалуется офицер в письме Ник. Влас. Телячкову в Уфу. „Вы нам не нужны, теперь Вы нам не приказ, у нас есть свой полковой комитет, теперь мы его будем слушаться“.

Настроение войск по прежнему, судя по письмам, угнетенное: „зачем воевать, кого защищать. Родину нет не родину защищать, а богачей, буржуев“. Вот отрывки из солдатской песни—

„Бедного солдата на кладбище несут,

К его бедной могилке родные не придут

И цветов на могиле слезой не обольют,

Только летней порою да поздней зарей,

Запоет на могилке певец соловей.

Попы и дворяне справляют вечера,

А бедный сын солдатки не жрал с позавчера;
Ты солдат защищай добро богачей,
А они черти гуляют до поздних ночей.
Дворянки там за чаем поднимают кверху нос,
А бедные жены солдат косят пшеницу и овес“.

Стихотворение из письма в Уфу Прохору Дмитриевичу Дмитриеву...

Придерживаясь старинных убеждений и вековой ненависти к дворянам-помещикам, наш наивный народ не знает какое ничтожное количество, раззорившихся давно дворян, принадлежит теперь к русской буржуазии, там куда более купцов, а еще больше всяких инородцев, немцев и пр. Вот что пишет солдат с фронта в Уфу Василию Яковлевичу Макарову: „Денег стало много, но что толку, когда купить ничего невозможно, одно дорого, а другого и совсем нет... Видно дело доходит до конца, когда настала свобода мы все обрадовались, как бы воскресли из мертвых, ну теперь будет мир, теперь конец этим мукам, но нет. Нас поворачивают опять к старым целям—защищать „Свободную Россию“. Какую там свободу, какую Россию. Защищать нашей кровью наших и чужих союзных капиталистов, им нужна война, до конца, до успешного конца, им бы за нашу кровь купить себе контрибуцию и новых рабов, дающих доход их фабрикам и заводам; а ты солдат русский умирай за то, чтобы английский, французский и русский буржуй—кулак, победив немецких буржуев, заковали в тяжелые цепи весь рабочий мир вселенной на все время. Как это должна быть последняя война, а после нее вечный мир. Нет такой России такой свободы мы защищать не будем и пока еще штык в наших руках, покажем и немцам и русским и англичанам и французам, где настоящая свобода—вовсе не там куда нас обманом ведут“.

№ 1.

И. П. РОДИОНОВУ.

Уфа.

Переворот произошел у нас очень спокойно, даже никто не предполагал этого. Хотя надо сказать, что пришлось немного струсить. Началось с того, что собравшаяся вооруженная толпа бросилась к тюрьме. Это первым делом. Начальнику тюрьмы удалось во время скрыться, а один из ключников горячо отстаивал арестантов и был разорван штыками. Всех арестантов, как политических, так и каторжных выпустили и зажгли тюрьму. Это вероятно происходило часов в 12 ночи. Но наш полк расположился совершенно за городом, а 141 и 93-й в самом городе. Полковых командиров 141 и 93 полков солдаты хотели убить, но им удалось скрыться, а потом конечно, их немедленно отстранили от командования. С нашим полковым командиром ничего не произошло. Во время манифестации наш полковой командир вел все три полка. По дороге подбежал с револьвером один унтер-офицер и с криком „зачем ты драл розгами“ хотел повидимому выстрелить, но солдаты не дали ему это сделать. В общем дня три были маленькие волнения, а потом все затихло. 14 апреля в Царицыне солдаты и офицеры разбили все винные склады. Ожидали, что будут погромы вообще, но ограничились только этим. Все солдаты, когда разбивали бочки с вином и выливали вино на землю кричали: Долой это зелье, надо его уничтожить, чтобы оно не смущало. Разбили около 20-ти складов. И скоро все затихло.

Петр Бровкин.
Прапорщик 155 полка.

№ 1.

МИХАИЛУ ЕМЕЛЬЯНОВИЧУ ДМИТРИЕВУ.

Уфа.

Сегодня весь день ждали нашего дорогого гостя, солнце России Военного Министра А. Ф. Керенского, но не дождались. Он будет наверное в гостях у нас завтра. Эх Миша, ты не знаешь какое настроение, какой дух в армии, как все ждут этого великого гения. Если удастся сделать снимок с Министра, пришлю тебе.

Петр Никандров.

№ 2.

М. А. КАМЕНЕВУ.

Уфа.

Вот я опять в окопах, снова бессонные ночи; в окопах вода. Погода вообще сырая. Немцы стараются жить с нами, как можно дружнее. Таскают нашим солдатам вина, сигары и изредка белый хлеб. Кричат нам чтобы мы не стреляли, чтобы не переводили напрасно людей, так как скоро будет мир. Бросают прокламации, где они советуют нам гнать французских и английских офицеров и убрать с наших позиций артиллерию. Всеми силами стараются разложить дезорганизовать нашу армию, а потом немцам и легко будет победить ее. Да наступают времена. Трудно нашему брату офицеру. Мы сознаем, что все эти проделки немцев не обойдутся даром. Мы стараемся внушить нашим солдатам вред сношений с врагом. Они же кажется больше верят немцам, чем нам. Вообще питают нам недоверие. Если будет так дальше, то горе нам—погибла Россия. С другой стороны разгораются страсти—беспорядки в Петрограде. Все это вместе взятое страшно волнует армию. Крестьяне требуют земли, рабочие 8-ми и 6 часового рабочего дня. А теперь прежде всего надо кончить войну а после устраиваться—но все это дело провокаторских рук.

Алеша Туманский.

¹⁾ Нижеприводимые офицерские письма все пропущены по адресу. Цензор с большим удовлетворением приложил копии этих писем к отчету.

ГЕОРГИЮ ИВАНОВИЧУ КАМЕНСКОМУ.

Уфа.

Войны никакой даже не чувствуется. Солдаты отказываются идти в наступление, говорят, что обороняться будем, наступать же нет. На днях как то стали заниматься, вести с ними тактические занятия с целью наступления, они поняли в чем дело и уже на третий день все отказались выходить на занятия говоря, что наступать все равно мы не пойдем, так и нечего нас обучать наступлению. Вот теперь и воюй с ними, а немец не дремлет, он готовит кулак, которым в одно прекрасное время и ударит нашего гражданина. Стоим в резерве и стоять будем чуть ли не до июня месяца.

30 апреля 1917 г.

А. Каменский.

№ 4.

ЯНУ ТОМАШЕВИЧУ БОРДОВСКОМУ.

Уфа.

„Дошли до меня весьма приятные слухи, якобы Уфа является городом громко кричащим „Долой войну“. Если это верно, то слава вам всем и честь. Дело в том, что кое-кто, черт знает по какой причине, не может или не хочет понять что $\frac{3}{4}$ населения России отрицает войну. Если же к этому присоединить почти полное отсутствие продовольствия и боевых припасов, а также грандиозную разруху на железных дорогах, то предполагая даже наличие образцовой дисциплины во всех отраслях государственного управления, нужно быть отъявленным чудаком или прямо отчаянным дураком, чтобы убаюкивать себя благополучным течением и удовлетворенными результатами войны. Ни того ни другого быть не может. Старая власть завязала такой узелок, который не только Александр Македонский, а сам черт нечестивый не в состоянии разрубить. Дисциплина воинская привилась у нас при помощи мордобития, оказалась чисто внешней и дала о себе знать в критический момент, да так, что все поползло к чертовой матери на подобие самым прелевым штанам. Положение наше хуже критического: того и гляди, что в один прекрасный день или ночь случится нечто такое, о чем нам и думать то не хочется. Расшатались все оконча-

тельно. Работать не хочется, ибо всякая работа с нашей стороны в данное время ни к черту не годится. Офицерство солдатами третируется, никто ни кого не слушается; всякий, кто проявляет завоевательный инстинкт, желает войны до конца, формально ненавидится. Роты отправляются на фронт в подавленном состоянии видно, что толку от них никакого не будет. Голод принял угрожающие размеры“.

Автор вышеупомянутых рассуждений, Слава Богу, тыловой герой, он не желает понимать, чтобы непременно случилось, если бы нас ожидал разгром армии и позорный мир, при котором главное значение будет иметь не голоса „меньшевиков“ германской социал-демократии и пожелания да мечты наших горе—ленинистов, а могучий кулак Гиндербурга.

Подписи нет.

3 мая 1917 г.

№ 5.

АЛЕКСАНДРУ ГРИГОРЬЕВИЧУ АЛЕКСЕЕВУ.

Челябинск.

Взгляд у меня под влиянием текущих событий изменился в худшую сторону. Если только по прежнему все так будет продолжаться как теперь, то Россию ждет развал полный и гибель. На фронте абсолютная тишина. Вместо орудийной канонады, оружейной и пулеметной стрельбы доносятся звуки поцелуев наших „миролюбцев“ с немчурой. Какое предательство. Какая явная измена родине, нашим братьям союзникам, проливающим сейчас кровь за общие интересы, за права, честь и достоинства великих свободных наций. Какое заблуждение наших солдат, находящихся под гипнозом гнусной пропаганды Ленинцев и К-о. Мерзавцы, предатели, что они наделали. Направляемые против братания увещевания и уговоры начать наступление мало помогают. Все речи и старания депутатов из корпуса, армии и ставки убедить солдат в их пагубном для дела и себя заблуждении ни к чему не приводят. Стоят на своем: „не желаем воевать и баста“. Все старания г.г. офицеров и комитетов о необходимости сейчас наступления разбиваются о грубое упрямство солдат. За исключением казачьих частей, кавалерии (где элемент более сознательный) дисциплина в армии теперь пала. Расшатанность и разнузданность в войсках полная.

Авторитет офицеров сведен к нулю. Доверие к нему со стороны солдат подорвано. Конечно при таком положении служить и воевать трудно. Если только армия и народ не опомнится, то Россию ждет погибель. Откровенно говоря большинство офицеров не служат, а дослуживают. Ибо при таких порядках в дальнейшем, при отсутствии власти у офицеров служить трудно, да и не возможно Отрадного в будущем мало.

Алексей Алексеев.

14 мая 1917 года.

№ 6.

ПЕЛАГЕИ ВАСИЛЬЕВНЕ ПУХМАРЕВОЙ.

Уфа.

Как будет жить Россия и какие губернии получат автономию и республики, а немец не дремлет и кует железо пока горячо, пользуясь разрухой армии и тыла великаго Российскаго государства. Представь, что все последние наши успехи на кровавой ниве под Галичем, Калушем и Львовым достались в руки врага и армия опутанная сетями большевизма кажется окончательно вышла из повиновения и как стадо баранов, без всякаго стыда и смысла цели разбегаются кому и куда нужно, оставляя фронт на произвол судьбы. Немец этим старается пользоваться и беспрепятственно по пятам бессовестно убегающих занимает территорию, которая нам стоила громадных жертв. Но скажи пожалуйста не позор ли это для русской армии. Русский солдат не привык еще к свободному пониманию того, что стоило громадных жертв, к чему веками стремились ученые люди, для солдата нужен кнут и нагайка, а не разумное толкование, что кажется и сделано гениальным вождем армии г. Керенским и мы очень будем рады если будут приняты в отношении изменников родины самые крутые меры наказания, не исключая казни, только чем и можно закрепить еще молодую Революционную Россию и не дать коварному врагу укорениться и пустить корни на русской земле. Ты сама знаешь, что может случиться если нам будет продиктован мир тем кого обожает германия, а солдаты на заключение мира смотрят, как на простую вещь—лишь бы мир и ему больше ничего не треба. Если ему станешь толковать о последствиях мира то он сейчас тебя и по зубам или скажет: Если хочешь хорошего мира, то иди и добывай его, а мне уже не под силу нести военное ярмо и жизнь для меня дороже твоего всякаго мира. Вот тут с ним и потолкуй и сделай людей любящих родину. Федор Пухмарев.

23 июня 1917 года.

ИВАНУ ТИХОНОВИЧУ ЖИРОВУ.

Уфа.

То что ты мне писал пригодно и возможно только в мирное время и при другом народе а не при нашем неразвитом. В тылу оно может быть и хорошо, потому что там никаких боевых задач не дается, там солдаты выполняют пустячные поручения и роль их там не так важна, как здесь на фронте. Там, если солдат и не выполнит какое нибудь приказание, то не очень большой грех, но если это здесь, будет что то невозможно. Между прочим, здесь было, бывает и будут масса таких случаев, которые явно ведут армию к окончательному развалу и кроме вреда и гибели родины другого быть не может. Всему же этому виной служит пропаганда Ленина. Ленин здесь вводит беспорядок, Ленин ввел дезорганизацию в войсках. теория Ленина об аграрных вопросах ведет армию из окопов в тыл для дележа земли. Ленин виновник дезертирства. Вообще же большая половина ленинской теорий вредна. Ленин еще вреден потому, что солдаты его учения понимают не так как нужно. Толковать и объяснять солдатам нельзя. Опять виноват Ленин, он внушал солдатам не доверять тем товарищам офицерам, которые всегда подают солдату руку, а в ответ получают подщечину. Иногда на почве недоверия солдат к офицерам, которых они знали еще при старом правительстве, как хороших и честных людей развертываются грустные картины. Приезжают в армию большевики и заставляют армию недоверять товарищам офицерам. Я вижу все из своей военной сознательной практики я не большевик, я с.-д. по убеждению. Я вижу, что без дисциплины армия существовать не может а сознательной дисциплины нет. Палочной не требую. Требую вместе с правами солдата его обязанности.

Подписи нет.

АЛЕКСЕЮ ТИМОФЕЕВИЧУ КУРГУЗОВУ.

Уфа.

Плод тысячелетнего созидания многих поколений Великая Россия гибнет, гибнет добытая кровью лучших людей свобода. На фронте катастрофа, сулящая нам неисправимые последствия. Великая русская армия находится в состоянии смертельного кризиса

духа. Некоторые части поддавшись зловредной агитации темных продажных личностей, забыв о долге солдата и гражданина, бросили позиции и устремились в тыл, неся с собой смятение и беспорядки. В пылу политических споров и мелочной торговли люди забыли о родине, забыли о целях великой русской революции, личные интересы ставят выше всего. Нельзя не крикнуть на всю Россию, что мы уже на рубеже за которым смерть, но есть еще спасение—оно в наших руках. Все кому дорога мать родина, кому дороги завоевания нашей революции, должны предать забвению личные выгоды, напрячь всю свою волю и разум на спасение изнывающей родины, только тогда мы сможем вывести Россию на путь мирного благоденствия и только этот путь приведет нас к закреплению плодов революции.

Ларионов.

298 Мстиславский полк.

19 июля 1917 года.

№ 9.

АННЕ СТАНИСЛАВОВНЕ БЕРЕСНЕВОЙ.

Уфа.

Чувствую себя так скверно, что и описать трудно. Так обидно за русских, так я зол на солдат трусов, грабителей, мерзавцев и подлецов, что без сожаления многих бы расстрелял. В селе Копычинце солдатскую массу расстрелял броневой автомобиль из 2-х пулеметов, рассыпались живо бараны презренные. Одного негодяя расстреляли форменно перед всеми солдатами у церкви и они аплодировали. Я сегодня ненавижу солдат, которые недостойны не только жить в старом режиме, не говоря о свободе, а прямо их заживо в ад на рога чертям посадить. Бежали мерзавцы целых 80 верст и бежали не потому что кто нибудь гнал их, а просто услышали, что в тылу солдаты что хотят то и делают, вот и они двинулись целыми полками и дивизиями, побросали оружие хлеб и все что можно, даже снимали сапоги и бросали, чтобы легче было бежать, так как кто то крикнул „Немецкая кавалерия“. На самом деле немцев на всем фронте было 1½ человека. В то время (это было в Подганице) я чуть было не стал стрелять в бегущих, так я их презирал. Бежали и уезжали так, что давили друг друга, ломали повозки, автомобили, калечили друг друга, лошадей и все что попало на пути, ломали, жгли. Одним словом с 8 июля по

14 был сплошной кошмар. Немцы даже и не гнались, потому что некому да и не успевали, так как слишком быстро и позорно бежали. Наше оперативное отделение Штаба корпуса отступало на заде всех бежавших, а за нами уже отступали верные сыны отечества герои, отстреливающиеся от преследовавших десятков немчуры поганой.

За последнее время нервы у меня значительно поразвинтились, стал более жестоким. Теперь не расстаюсь с револьвером и готов каждую минуту пустить его в действие. Теперь введен расстрел что меня очень обрадовало. наших русских трусов и негодяев только и можно заставить быть немного человеком при помощи нагайки да револьвера. У-у шваль несчастная. Расстрелять, стрелять и больше ничего. Я сам не свой от всего этого позора. Вот разлимонничались с этой свободой. Надо было умнее дать свободу, а не так, чтобы получилась вот эта история.

Сегодня я чувствую себя гораздо спокойнее¹⁾. Дежурю, дел много и поэтому некогда ни о чем раздумывать. На границе мы стоим вот уже несколько дней, отсюда выходит, что наше войско еще способно воевать. Я уже думал, что совсем дело наше потеряно бесповоротно, но теперь опять появляется надежда на почетное а не позорное окончание войны.

Иван Береснев.

19—20 июля 1917 года.

№ 10.

КОМАРОВУ.

Уфа.

Хорошо революционное войско доказало свою боевую способность. Из армии образовалась стада баранов без пастыря. Смертная казнь не привела Положительно ни к чему хорошему, а обострила отношения между Временным Правительством и Советом Солдатских и Рабочих Депутатов (темной шайки, как я ее называю). Керенский даже и тот уже отказался от власти, видя что ничего не поделает с этим стадом ослов. Но зачем же он не зная броду сунулся в воду. Ведь русский народ известно груб и сер до бесконечности и вежливого обращения не понимает, а ему нужна твердая власть нагайка и палка тогда он поймет. Теперь говорят многие, как ни плох был Николай Романов, но все же при нем все-таки было боль-

¹⁾ Автор продолжает письмо на другой день.

ше порядку и это совершенно верно. Теперь измена общая в виду полного беспорядка дисциплины царит разруха. Погибла Россия и все из за Керенского, который в первые дни революции кричал, что у меня Николай Романов в руках, я что хочу, то с ним сделаю, но что он теперь с ним сделает. Ничего. Что он сделал с Россией—погубил ее. За что ему придется ответить своей головой. Не может быть, чтобы Русский народ не придет в разум и не найдет виновников того, что сделали с Россией.

К. Комаров.

№ 11.

А. НАУМОВУ.

Уфа, лазарет № 24.

Солдаты ежедневно толпами кишат наверху, австрийцы тоже. Ни одного выстрела. О братании ты знаешь из газет, но у нас факт. Бывало что после братания расходились довольно пьяные, очевидно рому австрияки не жалеют. Как это ни печально, но ничего не поделаешь. В настоящее время эти явления уменьшились и есть надежда думать что скоро совсем прекратятся. Сколько прокламаций было со стороны противника и газета „Неделя“ на русском языке еще не закрылась до сих пор. Ни чорта в ней кроме упреков за все на англичан и французов нет. Простачки солдаты и те уже поняли, что противник в газете „Неделя“ врет как сивый мерин.

Н. Г.
